

ЗОНА ПРИТЯЖЕНИЯ

АЛЕКСАНДР
РУЛЕВ

16+

Александр Рулёв

Зона притяжения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43598395

SelfPub; 2019

Аннотация

Во время испытания на орбитальной станции секретного устройства на Землю из дальнего космоса вонзается луч. Это становится началом катастрофы или совсем не катастрофы... В романе неожиданным образом вывернут сюжет вторжения инопланетян. Жертвами оказывают все: и инопланетяне, и земляне. Они столкнулись с силой, неподдающейся пониманию. С цивилизацией, которая находится за фазовым барьером... Главный герой один, повествование от первого лица, роман построен на постоянном действии. Лирических отступлений очень мало. Смысл вписан в действие.

Содержание

Часть первая. Армагеддон	4
Глава первая	4
Глава вторая	36
Глава третья	57
Глава четвертая	84
Глава пятая	105
Глава шестая	124
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Часть первая. Армагеддон

Глава первая

С того самого момента как человек научился мечтать, он захотел преодолеть земное притяжение и полететь словно птица. Столетиями эта мечта была недоступна. Но человек не отчаивался. В раздумьях он подбрасывал кверху камни, палки, кости, попутно создал пращу, лук и катапульту, затем набил порохом металлическую трубу, затолкал туда ядро, поджег порох и выстрелил по соседской крепости. Однако предметы, запущенные в воздух, оставались там недолго и падали вниз, причиняя увечья различной степени тяжести. Таинственная сила, намертво пригвоздившая к земной поверхности размечтавшегося человека, оставалась загадкой, покуда Ньютон научно не обосновал, почему яблоки падают вниз, а не вверх. Окрыленный новым знанием человек принялся создавать аппараты способные поднять его в небо. Поэкспериментировав с надувными баллонами, крыльями и пропеллерами, он вернулся к идее металлической трубы набитой горючими материалами и наконец-то достиг желаемого результата. Но мне почему-то всегда казалось, что мы так и не победили это проклятое притяжение, а лишь обманули его. Вот если бы яблоки начали падать вверх, а не вниз – это

стало бы настоящей победой!

К своему удивлению я обнаружил, что яблоки в изобилии лежавшие у моих ног стали подниматься. Их примеру последовал сам Ньютон сидевший под соседним деревом, затем из кустов вылетел белый рояль вместе с пианистом. Музыка удалялась от меня куда-то далеко ввысь и я, оторвавшись от брэнной земли, последовал за мелодией. К черту притяжение, наконец-то я научился летать по-настоящему!

–Добрыня, просыпайся! Пора вставать! – растолкал меня Степаныч.

Я разлепил глаза и понял, что музыка никуда не улетала, просто Цыплаков убавил звук на электронном будильнике, когда стал меня будить.

–Он уже минут пять орет, а ты все не просыпаешься! – сказал он тоном строго воспитателя и удалился из спального отделения.

Я вылез из спального мешка и лениво поплыл в основной отсек.

Все-таки недолюбливает меня Степаныч. Но я стараюсь не обращать на это внимание. Цыплакову за сорок, а мне только двадцать девять, и он считает, что я еще слишком «зеленый для такой важной работы». Впрочем, Степаныча можно понять. Я стал для него своего рода «киндер-сюрпризом». Меня назначили в экипаж совершенно неожиданно, нарушив при этом несколько правил и негласных традиций. Уж не знаю кому, и каким местом я там приглянулся. По большо-

му счету и для меня это стало большим сюрпризом. Не прошло и двух лет, как я попал в отряд, и вдруг меня в обход многих более достойных отправляют на орбиту. Поэтому-то я отлично понимаю Степаныча и не пытаюсь ему ничего доказывать.

Выполнив полный набор утренних процедур, я позавтракал, после чего сытый и довольный подлетел к пульту, где уже ковырялся Цыплаков.

–Ты вовремя, через две минуты сеанс связи с ЦУПом. Сегодня у нас очень важный эксперимент.

–Угу, – ответил я и незамедлительно приступил к работе.

–Знаешь, Добрыня... у меня какие-то странные предчувствия. На счет этого спутника, который мы с тобой должны сегодня запустить, – неожиданно поделился Цыплаков, оторвавшись от пульта и посмотрев на меня.

–С чего бы это вдруг? – удивился я.

–Ну, во-первых, за исключением того, что спутник изготовлен неким НПО «Парадокс», о нем ничего не известно, а это уже само по себе подозрительно. Кто как ни мы должны знать, что делаем, черт побери! Я не люблю такие сюрпризы. И во-вторых... Мне кажется, что это как-то связано с тобой. Только не удивляйся. Это не моя идея. Тебя включили в экипаж сразу же после того, как нам подкинули этот подарочек.

Степаныч ошарашил меня своим заявлением. Когда я проходил долгую и мучительную подготовку в Звездном городке, космос представлялся мне слишком опасным местом,

где нет времени на интриги и тайны, где все направлено на достижение общей цели.

–Я, правда, ничего не знаю, – пожимая плечами, сказал я.

–Вот это меня и заботит. Похоже, они хотят поставить над нами какой-то дурацкий эксперимент. Не нравится мне все это. Раньше такого не допускали. Космонавты всегда знали, на что шли, даже когда это было смертельно опасно.

Степаныч едва успел договорить, как на экране показалось лицо руководителя полетов.

–Доброе утро Анатолий, Олег...

–Доброе утро Валерий Иванович, – почти хором поздоровались мы.

–Как вы знаете, ребята, программа полета полностью выполнена. За исключением самой важной части, которую мы отложили до крайних дней вашей экспедиции...

Я пребывал в растерянности и поэтому не следил за разговором. Я думал, что Цыплаков как командир экипажа уж наверняка знает, для чего предназначался этот спутник. В списке груза и программе полета он значился как спутник связи производства НПО «Парадокс». Я наивно полагал, что когда дело дойдет до испытания Степаныч выложит все подробности. И вдруг выясняется, что он тоже ничего не знает!

–Скажите честно, Валерий Иванович, по крайней мере, вы в курсе, что он собой представляет? – очнувшись, услышал я слова Цыплакова. Похоже, большая часть их разговора пролетела мимо моих ушей, пока я пытался привести соб-

ственный внутренний мир в порядок.

Руководитель полетов замялся.

– Ребята, это действительно настолько важно, что мы не могли посвящать никого в детали... Даже я знаю только его общее предназначение...

– В таком случае, как же мы будем осуществлять эксперимент, если не знаем подробностей? – возмутился Степаныч.

– Через несколько секунд мы переведем вас на Тамск-13 – научный центр «Парадокса», – в последний раз улыбнулся Валерий Иванович, прежде чем пропасть с экрана.

– Доброе утро, Анатолий Степанович, Олег Владимирович, – на нас уставился мужичок с внешность типичного «чокнутого» профессора из старых фильмов. Он до смешного напоминал Эйнштейна, разве что волосы не были седыми (вероятно специально косил под знаменитого физика). – С вами говорит главный конструктор НПО «Парадокс» Мирослав Рымкевич. Приношу свои извинения за то, что мы держали вас в неведении. Но это действительно было необходимо...

Для начала давайте договоримся в терминах. Условимся называть спутник Устройством. Так вот устройство состоит из трех функциональных частей: реактивного двигателя, блока дистанционного управления и исполнительного модуля. Частотные характеристики уже поступают на ваш компьютер. После чего вы сможете управлять нашим Устройством через свой пульт.

Слушая Рымкевича, Цыплаков лишь молча кивал. Но, зная Степаныча, я мог предположить, что про себя он говорил что-нибудь нелицеприятное в адрес этого самого Рымкевича с его дурацким Устройством. Однако это вовсе не означало, что он отнесется к предстоящему эксперименту наплевательски. Нет, он выполнит все на пять с плюсом, не переставая при этом ворчать. Что же касается меня, то я наоборот чувствовал некоторое возбуждение. Мне захотелось как можно быстрее сбросить налет таинственности. За проведенные на орбите два месяца мы проделали много работы и даже выходили наружу, но ничто так не воспаляло во мне энтузиазм как тайна.

—В вашу задачу входит вывод Устройства в открытый космос и его активизация. Затем Устройство необходимо отвести от станции на безопасное расстояние — сто-сто пятьдесят метров и переключить в режим ожидания. Когда эксперимент завершится вы получите дальнейшие инструкции. А теперь перейдем к самому Устройству.

Спутник был достаточно маленьким, поэтому еще до начала сеанса связи Цыплаков притащил его в главный отсек и закрепил напротив пульта.

—Как вы видите, на боку Устройства имеется функциональная панель, с помощью которой производится подготовка и запуск, — сказал Рымкевич, а затем пояснил, что обозначала каждая клавиша и индикатор, расположенные на панели.

Надо отдать Рымкевичу должное – он был предельно краток и не загружал нас излишними подробностями. Но выудить из него правду об истинном предназначении спутника не удалось. Рымкевич умело избегал прямого ответа.

– Это устройство нового поколения, которое возможно даст толчок новому витку научно-технического прогресса, – максимум, что сумел вытянуть из него Цыплаков.

У меня не было времени, чтобы дослушать их диалог до конца, но для себя я решил, что спутник, очевидно, как-то связан с военной программой. И нам не хотят доверять «государственную тайну». Что, на мой взгляд, было ошибкой. К примеру, я до того попасть в отряд космонавтов работал в закрытом КБ и имел самое непосредственное отношение к государственной тайне. Или же они опасались, что наши опыты пропасут гости станции с других стран, и поэтому ничего рассказали даже исполнителям, – то есть нам.

Пока я занимался подготовкой к выходу в космос, Степаныч вводил полученные данные в компьютер и настраивал управление спутником. Облачившись в скафандр, я еще раз проверил все системы. Однако прежде чем направится к шлюзу, Цыплаков сам осмотрел меня, и только после этого дал добро на выход.

– Ты уверен, что мне не нужны никакие дополнительные инструкции с Земли? – недоверчиво спросил я.

– Долбанная секретность!... На самом деле ничего сложно там нет. Нажать пару кнопок и все, это может сделать даже

школьник, – отмахнулся Степаныч. – Давай-ка, займемся делом, и не будем задерживать «новый рывок научно-технического прогресса»! – добавил он, подтрунивая толи надо мной толи над Рымкевичем.

Шагнуть двумя ногами в бездну – туда, где нет ничего кроме звезд, где ничто не прижимает к тебя к поверхности, где ты чувствуешь себя богом, только сказавшим «да будет свет», – вот что привело меня в космос. Я шел к этому мигу долго, с того самого момента, как увидел звездное небо. И вот я здесь. Я добился своей мечты, в отличие от многих мальчишек, грезивших о звездах, но так и сделавших ни одного шага на встречу к ним. Уже во второй раз я выходил в открытый космос, но волновался будто юнец перед первым свиданием.

– Ты главное не дергайся зря. Ничего сложного тут нет. Простой вытащишь эту штуковину наружу и оттолкнешь ее от станции, – напутствовал меня Степаныч.

– Да все нормально, – улыбнулся я, делая вид, что уже в который раз проверяю фиксаторы перчаток. На самом же деле я просто пытался скрыть от Цыплакова легкий мандраж.

Я подхватил спутник и поплыл в стыковочный модуль, а затем в шлюзовую камеру. Степаныч закрыл за мной люк и вернулся к пульту управления.

– Ну, как ты там? Воздух вот-вот откачается, – спросил он по радио.

– Все в норме, только тесновато. Устройство устроиться

мешает, – отшутился я.

–Олег, давление ноль. Можешь выходить. Как понял? – услышал я голос Цыплакова секунд двадцать спустя.

–Вас понял, командир. Открываю люк, – эти слова звучали для меня словно Гаринское «Поехали!».

Отворив последнюю дверь между мной и вселенной, я выплыл наружу.

–Олег, на связи Земля. Рымкевич хочет узнать, как Устройство реагирует на вакуум, – послышался из наушников голос руководителя полетов.

–Валерий Иванович, как оно должно на него реагировать?

–Тебе виднее, Олег...

Похоже, он тоже ничего не знает, или придуривается – почему-то пришло мне в голову.

Внешне Устройство представляло собой открытый каркас цилиндрической формы девяносто сантиметров длиной и тридцать два сантиметра диаметром, внутри которого умещалось все оборудование. На боковой панели горел красный индикатор, свидетельствующий о том, что система в норме и готова к активации. Тщательно осмотрев спутник, я ответил:

–Никаких видимых изменений не наблюдаю.

–Хорошо. Теперь нажми клавишу «2», – это вновь говорил Степаныч.

–Нажимаю... – не успев договорить, я увидел, как в носовой части цилиндра раскрылась необычной формы антенна. Это был конус с углом наклона градусов тридцать-сорок.

– Должны раскрыться антенна и загореться желтый индикатор.

Прямо детский сад какой-то. Соедините красненькую детальку с синенькой и получите смешного покемона...

– Антенна раскрылась, но желтого цвета на панели не наблюдаю. Может быть, он должен загореться в какой-нибудь другой части Устройства?

– Подожди..., – растеряно произнес Цыплаков.

Затем последовала продолжительная пауза космической тишины. Я слышал только собственное дыхание и бессмысленно крутил в руках спутник, пытаясь найти этот злосчастный желтый огонек.

– Олег, вы слышите меня? – вначале голос показался незнакомым. – Будем надеяться, что неисправен только сам индикатор, – наконец узнал его. Это был Рымкевич собственной персоной.

– Допустим. И каковы мои дальнейшие действия?

– Очевидно, нам придется рискнуть. Нажмите клавишу «3» и оттолкните Устройство на незначительное расстояние, так чтобы вы смогли вернуть его, если двигатели не работают, – голос Рымкевича заметно дрожал. Он, вероятно, сильно волновался, однако при этом не утратил способность кратко и доступно излагать свои мысли.

Я нажал на клавишу «3» и обнаружил, что на панели загорелся зеленый индикатор.

– Загорелся...

–Зеленый! Отлично! – опередив меня, почти заорал Рымкевич. Похоже, нервишки ученого все-таки не выдержали. – Теперь осторожно оттолкните его от станции!

Я так и сделал. Слабого толчка хватило на то, чтобы цилиндр отлетел метров на пять. И вдруг я увидел, как дюзы миниатюрного космического аппарата озарились белым выхлопом газа, который сразу же замерзал. Спутник полетел прочь от станции.

–Я его веду! Еще секунду назад с камеры заднего вида можно рассмотреть твою удивленную физиономию! – обрадовал меня Цыплаков.

–Отлично, а что делать мне?

–Приказано, ждать. Как только завершиться эксперимент, я подведу спутник обратно, и ты вернешь его на борт.

–Как долго это продлится?

–Не более получаса.

А раз так, значит, у меня есть уйма свободного времени, чтобы просто повисеть в пустоте, наблюдая за тем, как кружится подо мной старушка Земля и заманчиво подмигивают звезды. Я стал вслушаться в тишину, словно пытаюсь уловить в ней голос вселенной, но по-прежнему слышал только собственное дыхание. Пока вдруг не понял – мое дыхание и есть голос вселенной, она дышит через меня...

Тем временем спутник удалился от станции на достаточное расстояние, превратившись в маленькую блестящую точку. Мое внимание полностью переключилось на него. Но я был

не одинок в своем любопытстве.

Было время темного десятилетия, когда только Россия могла поддерживать орбитальную станцию. Еще лет семь назад каждый выход был значительным событием, которое обязательно освещалось в выпусках новостей. Теперь же это стало настолько обыденным явлением, что, порой, мы и представители других стран выходили в космос совершенно независимо друг от друга (каждый со своего шлюза), выполняя абсолютно разные задачи. Да и станция уже не та – в два с половиной раза больше изначальной. По сути дела она превратилась в нагромождение модулей, принадлежавших разных странам и даже парочке международных корпораций. Своего рода вавилонская башня на орбите или если угодно космическая коммунальная квартира, содержание которой «всемирно» было дешевле и безопаснее, чем множества орбитальных отдельных квартир. Однако, как у всякой коммуналки тут были свои минусы. Из года в год росло взаимное раздражение соседей. К примеру, у Китайцев была давно своя (или даже две станции). Хотя новостей о том, что они туда летают давно не было. Их космическая отрасль серьезно пострадала после темного десятилетия. Ну а пока американцы из международной корпорации «Спейсшип» специально перенесли запланированные на вчера совместные с японцами работы, чтобы понаблюдать за нашими опытами. Грин и Осака вышли наружу четверть часа назад и сейчас, временно оторвавшись от ремонта японского робота-манипулято-

ра, следили за нашим спутником.

Им как, впрочем, и мне не терпелось узнать, что же там, черт побери, происходит.

–Ну, как там дела? – не выдержал я.

–Не знаю Олег, ждем-с. Но возможно ничего особенного не произойдет. Мы просто этого не увидим, – ответил Степаныч.

Не прошло и минуты с тех пор, как он произнес «мы просто этого не увидим», как вдруг на месте спутника зажглась маленькая сверхновая. Яркий белый свет на какое-то время ослепил меня. Первой мыслью было, что спутник взорвался! Но как только ярко-белое пятно исчезло с сетчатки моих глаз, я увидел, что спутник по-прежнему на своем месте.

–Анатолий, что произошло? Что это за вспышка? – спросил я, когда пришел в себя.

–Если бы ты это выдел!.. Если бы... – голос Цыплакова захлебывался. –Олег... ты даже себе представить не можешь...

Похоже, там действительно произошло нечто из ряда вот выходящее, что заставило Степаныча настолько изумиться.

–Да что там такое?!

–Обожди, Земля дает указания, – уже более спокойно ответил Цыплаков.

Я остался в тишине предоставленный собственным мыслям. Я неотрывно смотрел на точку спутника и строил гипотезы. Скорее всего, вспышка не была чем-то неожидан-

ным, вполне возможно опыт удался. Однако в чем суть эксперимента я не знал. Может быть, мы только что испытали какое-нибудь супероружие и при этом понятия не имеем о последствиях, как те американские летчики, сбросившие на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы.

Спутник наконец сдвинулся с места и поплыл обратно к станции. Точка становилась все крупнее, пока не приобрела конкретные очертания.

—Олег, огромное спасибо вам за помощь! — неожиданно раздался голос Рымкевича после почти двухминутного молчания. —Мы с вами присутствовали при великом событии. Возможно, вы еще не успели оценить его значимость. Но вы все поймете, когда спутник подлетит ближе!...

Рымкевич пропал, на смену ему пришел Цыплаков:

—Олег до тебя осталось меньше десяти метров! Приготовься принять Устройство!

Я расставил руки в разные стороны, словно стоял на воротах, ожидая пенальти.

В наушниках послышался смешок.

—Добрыня, это не футбол. Я веду его прямо к тебе. Около станции скорость снизиться почти до нуля, так что не нервничай. Просто подхвати его и все!

—Он, кстати, ничего не объяснил, — пожаловался я Степанычу. —Может быть, ты будешь так добр и расскажешь, что мы все-таки сделали?! — несколько натянуто спросил я.

—Сейчас все сам увидишь!

Цилиндр надвигался прямо на меня, но летел крайне медленно.

И вдруг (снова это вдруг!) я увидел, как светящаяся игла вонзилась в Землю, вновь ослепив меня ярко-белым светом. Это выглядело, как будто из космоса по планете ударила гигантская молния.

—А это еще что?! — недоуменно спросил я.

—Понятия не имею... Надеюсь, это не из-за нашего спутника. По крайней мере, свет исходил откуда-то из космоса, — отозвался Степаныч. —Обожди-ка, сейчас спрошу ЦУП, что видели они... — озадаченно произнес Цыплаков.

Но что думали в ЦУПе по поводу недавнего светопреставления, мне узнать не довелось. Потому что произошедший вслед за этим «фейерверк» заставил всех содрогнуться от страха. Белое свечение залило небесный свод на сколько хватало глаз, словно на орбите зажглись сотни, а может быть и тысячи миниатюрных сверхновых. Я зажмурился, прячась от невыносимо яркого света. А когда открыл глаза, то к своему ужасу обнаружил, что где-то над нами произошел взрыв. Цвет новой вспышки был огненно-красным. Мне уже было не до спутника, когда десятки маленьких убийц — осколков возникших после взрыва ударили по станции смертельным градом. Из корпуса забили несколько «гейзеров» драгоценного воздуха. С первого же взгляда стало понятно, что поврежден наш челнок «Гагарин», так же пробиты по крайней мере три или четыре модуля станции и давление пада-

ет слишком быстро, чтобы система нагнетания сумела справиться с потерями. Секунд двадцать я прибывал в полнейшем ступоре, тупо наблюдая за тем, как воздух покидает отсеки станции.

–Первый! Первый ответ! Вызывает второй! – стал я вызывать Цыплакова, когда пришел в себя.

–Степаныч! Ответ, твою мать! Цыплаков! Ну же! – орал я изо всех сил.

А в ответ тишина.

Я буквально заледенел от ужаса, словно холод космической пустоты проник сквозь скафандр и превратил меня в кусок замороженного мяса. Нет, этого не может быть, этого не должно было произойти! – твердил мой разум. Но произошедшая катастрофа была самой настоящей. И катастрофа эта выходила за рамки тех ситуаций, к которым меня готовили в Звездном городке. Я был в полной растерянности и не знал что предпринять. В голову ничего не лезло кроме той пустоты, что окружала меня сейчас. Невероятным усилием воли я заставил себя сосредоточиться на спасении.

Если станция разгерметизировалась слишком быстро, то вряд ли кто-нибудь успел надеть скафандры. И если даже успел, то, возможно, повреждена система связи или что-нибудь случилось с энергоснабжением. Допустим самый худший вариант: на станции все мертвы и повреждена аппаратура. В таком случае мне придется самостоятельно пробираться внутрь, потом наладить подачу воздуха в скафандр, а уже

затем думать, что предпринимать дальше...

Но прежде я должен сделать то, что должен был сделать с самого начала, черт побери! – вдруг опомнился я. Всею виной моя неопытность! Цыплаков похоже прав – я еще слишком зеленый для такой важной работы. Мне будто бы послышался его насмешливый голос: – Добрыня, это просто. Возьми и переключись на общий канал.

Я потянулся к ручке настройки и вдруг, перед тем как нажать ее рука сама собой замерла.

А что будет, если и там тишина, что если действительно все, кроме меня погибли! – с ужасом подумал я.

– Господи помоги! – с этими словами я переключился на общий канал, который использовался для совместных работ и экстренных случаев.

В первое мгновение голос, услышанный мной, напомнил то ли о японских мультфильмах, то ли о гонконгских боевиках. Так орать мог только японский космонавт Тоцуро Осака. Вместе с Грином они занимались ремонтом, когда я запустил этот дурацкий спутник.

Выдох облегчения вырвался из моей груди, когда я услышал вполне разборчивую английскую речь.

– Осака, пожалуйста, успокойтесь! Грину уже не помочь!... Тысяча чертей, я думал, вы японцы самый спокойный народ...

Осака умок и больше не проронил ни слова.

– Двигайтесь к шлюзу и, пожалуйста, не говорите ничего

без необходимости. Я попробую еще раз связаться с Добрыниным.

–Добрынин на связи, – дрожащим от счастья голосом отозвался я.

–Слава богу! Я думал никто из вас не выжил!... Добрынин, быстрее двигайтесь к нашему шлюзу! Мы падаем! Если в ближайшие десять-пятнадцать минут не удастся вернуть станцию на орбиту, мы обречены! – отрывисто прокричал астронавт.

Он был прав. Самый простой и быстрый способ проникнуть на станцию сейчас – пробраться к шлюзу американского сегмента. Тем более если станция начала падать, то у меня катастрофически мало времени. Вопрос только в том, с какой стати она начала падать? Какая сила заставила ее сойти с орбиты? Удар маленьких осколков не был настолько сильным, чтобы их энергии хватило на значительное перемещение нескольких сотен тонн металла. Значит, существует еще какая-то сила, которая тащит нас вниз.

Цепляясь за поручи там, где они были установлены, и за любые другие выступы, я медленно плыл над корпусом. Боясь оторваться от станции, так как трос из недостаточной длины пришлось отцепить. Слева от меня проплыло что-то белое. Я обернулся и увидел, что это был человек. Он безвольно дрейфовал около разбитых солнечных батарей вместе с обломками. Никакого движения рук или ног не наблюдалось.

–Вижу человека! –сказал я.

–Да это Грин. Но, по всей видимости, его убило осколком.

Осака видел, как из его скафандра выплеснулась кровь, – ответили мне.

Наконец добравшись до американского шлюза, я обратил внимание, что пробиты почти все модули. Маленькие воздушные гейзеры сочились тут и там. Удивительно, что при такой плотности осколочной волны не задело ни меня, ни Осаку. Было бы не плохо знать, что же над нами такое рвануло? Какой-то спутник или что?

–Как у вас с давлением? Я вижу многочисленные пробоины в корпусе.

–Медленно падает. Но это неважно – я уже надел спасательный скафандр, – ответили со станции.

Кроме Цыплакова на борту оставалось двое американских астронавтов: Робертсон и Маккол. Трое американцев и японец прилетели лишь неделю назад. И толком познакомиться мы еще не успели, поэтому было не мудрено, что я не узнал голос.

–Это Маккол? – наугад спросил я.

–Нет, к несчастью, бортинженер погиб.

Я сглотнул. Кажется, досталось не только нашему основному модулю.

–Как это произошло?

–Когда по нам ударил поток осколков, он был другом в модуле... А теперь там вакуум, – Робертсон сказал это по-

что как Левитан объявивший о начале Великой Отечественной. –Боюсь, ваш главный модуль тоже остался без атмосферы. Разгерметизация произошла на столько быстро, что Цыплаков вряд ли успел надеть скафандр.

Еще минуточку-другую назад я разговаривал с ним, и вдруг узнаю, что человека больше нет. У меня защемило в груди лишь от одной мысли, что Цыплаков как и Грин безжизненно болтается в пустоте. Но лицо Грина, по крайней мере, скрыто шлемом, от чего кажется, что это не человек вовсе, а какой-нибудь робот. Может быть, Степаныч и недолюбливал меня, но за два месяца нахождения на станции мы невольно сблизились. Мне не хотелось верить, что его жена и двое детей не дождутся мужа и отца, что Цыплаков больше никогда не вернется домой и не сядет за обеденный стол поесть любимого борща, о котором он вспоминал в течение всего полета.

–Робертсон, а где Осака? Я его не вижу.

Японец ответил сам.

–Я уже в шлюзе. Жду вас.

–Мы поместимся вдвоем?

–Должны, это новый шлюз.

Пока я забирался в шлюз, вновь заговорил Робертсон:

–Скажите, Добрынин... Я знаю, что это может задеть вас, но ваш спутник мог как-нибудь повлиять на то, что произошло потом?... Понимаете, я видел вспышку... и, в общем, те, что произошли за ней они были такие же, как и та первая

около вашего спутника.

О господи, спутник! Я уже почти забыл про него. Ведь я так и не узнал, для чего он предназначался и поэтому был не в состоянии ответить американцу что-либо вразумительное. Вопрос Робертсона вновь заставил меня вспомнить о Хиросиме. Вдруг мы сами, не зная того, испытали какое-то страшное оружие?

– Мне известно только, что это был спутник связи, – коротко ответил я.

Робертсон тяжело вздохнул.

– Ну, хоть сейчас давайте избежим секретности! Какое-то это имеет значение теперь!

Я начинал сердиться, хотя и понимал его состояние.

– Послушайте, Робертсон, я действительно ничего толком не знаю. Запросите ЦУП, там вам все пояснят!

– Если бы у меня была связь с Землей, я бы вас не спрашивал! – нервно произнес Робертсон.

– Черт, я не думал что все настолько плохо, – только и смог сказать я.

– Именно поэтому я вас и спросил. Может быть, ваш спутник имел какое-то побочное действие?

– Простите, Робертсон, я действительно ничего не знаю. Зацепив Осаку, я протиснулся в шлюз. Японец словно мумия застыл напротив меня. Похоже, внутри что-то случилось с освещением. Свет исходил только от моего фонаря, но даже его хватило, чтобы увидеть сквозь стекло шлема, что ли-

цо Осаки искажено болью.

–Вам плохо?

–Она вылилась из него бурным потоком, и тут же капли превратились в тысячи маленьких рубинов. Это было красиво и ужасно одновременно... – тяжело дыша, ответил Осака и закрыл глаза.

–Он не может пережить смерть Грина, – пояснил Робертсон. –Так, давление уравнилось, можете открывать люк.

Внутри станции горело только аварийное освещение. Большая часть оборудования не работала. По отсекам летала всевозможная утварь.

–Сколько у нас времени осталось? – спросил я, когда влетел в отсек к Робертсону, который висел рядом с пультом.

–Приблизительно пятнадцать минут, а может быть и того меньше.

–Вы пробовали запустить двигатели вашего челнока, чтобы вернуть станцию на орбиту?

–Безрезультатно. Компьютер станции не перехватывает управление двигателями. Честно говоря, я рассчитывал на вас, Добрынин. Вы ведь инженер...

–Да, но не гений, даже при условии вашей и помощи мне не успеть устранить поломку за столь короткий срок... Если она вообще устранима.

–Остается эвакуация. Но кто-то должен принять решение! Мы не можем просто так взять и разбить триллионы долларов! – нервы Робертсона начали сдавать, он сорвался на

крик, – Это международная собственность и если мы...

– Прекратите это! Пожалуйста! – наконец ожил Осака. – У нас слишком мало времени!

Часы действительно тикали, а мы еще ровным счетом ничего не сделали, чтобы спастись. Станция тем временем опускалась все ниже.

– Он прав! – сказал я. – В конце концов, мы есть представители этих самых народов, и вполне можем принять решение! Я голосую за эвакуацию!

– Я присоединяюсь! – согласился со мной японец.

Удовлетворенный тем, что ответственность разделена поровну Робертсон сказал:

– В таком случае я спускаюсь в челнок и начинаю подготавливать его к спуску.

– По инструкции спасательными капсулой служат старые модуля «Союзов» и новые «Федерации»! – возмутился я.

– Согласен, но, во-первых, туда еще надо проникнуть. А во-вторых, на челноке у нас будет возможность маневра при посадке, – сказал Робертсон удалясь к стыковочному модулю.

– А вы уверены, что ваш Спейсшип-3 не поврежден?

– То же самое я могу сказать и про ваш «Гагарин», который, кстати, находился ближе всех к эпицентру взрыва, а наш челнок был скрыт массой станции...

– Ладно, хватит, препирательств. Будем действовать параллельно. А Осака пусть займется связью.

–Нет проблем, – ответил Робертсон, скрывшись внизу.

По большому счету мне было наплевать, на чем покинуть станцию. Наши капсулы со старых «Союзов» и новых «Федераций» или челнок Спейшип-3 были одинаково приспособлены для спасения (если конечно они целы). Я, прежде всего, хотел убедиться, что Цыплаков и Маккол действительно мертвы, как утверждал Робертсон.

Японец с усердием взялся за связь. Хотя я подозревал, что это был сизифов труд. Но интуиция подсказала мне, что Осаку сейчас нужно чем-то занять, чтобы он не заикливался на смерти Грина.

В последнем модуле американского сегмента я нашел мертвого бортинженера Маккола. Его тело дрейфовало посередине отсека вместе с какими-то деталями. Слава богу, что он был повернут ко мне спиной, и я видел только вздутые и разорванные внутренним давлением руки. Я двинулся дальше к нашему модулю в надежде застать там живого Цыплакова. Люк легко поддался, и я вошел внутрь. Как и предупреждал Робертсон, отсек был полностью разгерметизирован. Степаныча я увидел сразу. Он так и остался у пульта, глядя на меня неестественно выпученными глазами. Его лицо походило на ледяную маску со страшными порезами, заполненными застывшей кровью.

–О боже, нет! – невольно вскрикнул я.

–Что у вас там? – спросил Робертсон.

–Цыплаков погиб сразу.

–Сожалею...

Лучше бы мне этого не видеть, подумал я и повернул назад.

–Робертсон, как с челноком?

–Считайте, нам повезло! Это просто чудо какое-то! Если не считать нескольких пробоин, он практически не пострадал! Основные системы не повреждены, но вот со связью и здесь проблемы. А как вы? Добрались до спасательных модулей?

–Теперь в этом нет необходимости. Я двигаюсь к вам.

–Поторопитесь, температура быстро растет. Скоро станция начнет разваливаться...

–Послушайте Робертсон! Если вы сумели наладить управление двигателями, то почему бы вам не выправить орбиту станции? Если конечно еще не поздно.

–Господи, Добрынин! Неужели вы думаете, что я не попытался этого сделать!... Скорость падения не замедлилась ни на йоту! Станция обречена!

–Черт... – сдавлено произнес я и поспешил к челноку.

Уже через десять минут мы отсоединили стыковочный узел и заняли свои места. Здесь на челноке я был только пассажиром. Сейчас наша судьба всецело находилась в руках Робертсона.

Я сидел на месте второго пилота и наблюдал за его действиями. Мне показалось, что он чем-то озабочен.

–Добрынин, вы когда-нибудь управляли самолетом?

–К сожалению, только парашютом, – ответил я.

–Понятно, значит, при посадке рассчитывать можно только на одного из нас.

–Я же предлагал, эвакуироваться на нашем модуле.

–Возможно, вы были правы... – тяжело вздохнул американец.

–Что случилось?! Может, вы поделитесь со мной?

Он пристально поглядел на меня, играя жевалками. Сквозь стекло шлема было видно, как по его бледному напряженному лицу текли ручейки пота.

–У меня не получается отлететь от станции...

После недолгой паузы гробовой тишины, в наушниках слышался голос японца:

–Может быть, не отошли фиксаторы?

Я помотал головой.

–Кажется, понял. Мы набрали слишком большую скорость. Станция просто давит на нас своим весом.

–В таком случае я увеличу тягу. – Робетсон потянулся к пульту.

Но я одернул его.

–Не стоит этого делать. Неизвестно к чему это может привести. Станция, например, может начать беспорядочно вращаться или же челнок врежется в какую-нибудь внешнюю конструкцию, – я указал на нависающие над нами искореженные солнечные батареи и фермы.

Американец медленно положил руку обратно и буквально

скрепя зубами произнес:

–Черт возьми, вы правы. Но что же нам делать дальше?

–Ждать пока сопротивление атмосферы сорвет с нас эту шляпу, – удивительно, но я еще сохранил способность шутить.

–Как бы это сомбреро не накрыло нас своими широкими полями! Робертсон с опаской поглядел фермы и батареи, которые начинали постепенно изгибаться.

–Попробуйте еще раз связаться с Землей, – попросил японец.

–Если вы хотите услышать шум, то, пожалуйста, – склонившись на пультом Робертсон переключил нас на внешний канал.

По перепонкам больно ударило громкое хрипение, иногда срывающееся на треск или грохот. Это длилось всего несколько секунд, но даже когда Робертсон вырубил внешний радиоканал, шум еще долго звучал в ушах.

–Как вы полагаете, чем это может быть вызвано? – спросил Осака.

Но вопрос так и повис в пустоте, потому что никто из нас не знал однозначного ответа. И даже если бы знал, то это вряд ли помогло восстановить связь с Землей.

Мы летели молча, чувствуя, как растет перегрузка, и наши тела вдавливаются в кресла. Проклятое притяжение вновь побеждало нас, опуская на дно гравитационного колодца. Я закрыл глаза и увидел, что яблоки и Ньютон стали падать

вниз. Все кончено. Сну было не суждено стать реальностью.

Тем временем снаружи начали оплавляться и распадаться элементы станции. Гнулись и рвались на части солнечные батареи, отваливались антенны. Красные от перегрева отсеки станции отдалялись от нас, а мы, избавившись от опасного груза, уходили в сторону. Наблюдая за этой картиной, американец не выдержал:

–Мы погубили людей и целое состояние... Вопрос ради чего? – он пристально поглядел на меня, – И все-таки, Добрынин, для чего предназначался ваш спутник?

–Не-зна-ю! – по слогам ответил я.

–Но из-за чего-то это все началось, черт побери?! Я хочу знать, по какой причине погибли двое моих товарищей, и рухнула целая орбитальная станция! – американец перешел на крик.

–Я бы тоже хотел это знать..., – медленно произнес я, с трудом удержав себя, чтобы не накричать в ответ.

Мы вновь замолчали. Слышался все нарастающий шум, как в топке паровозного котла. Пламя за бортом все больше увеличивалось и переходило в сплошной поток. Но перед тем как оно окончательно закрыло собой фонарь кабины, я увидел, что помимо нашего челнока на Землю падало еще несколько достаточно крупных объектов. Но они не выглядели как обломки станции. Там было что-то действительно большое, много больше челнока или даже всей станции...

Боже, если ты есть помоги нам, подумал я и закрыл глаза.

Наконец скорость и высота полета стали уменьшаться. Челнок затрясло, словно мы ехали на телеге по булыжной мостовой. Мы еще приходили в себя от перегрузки, когда включились тормозные двигатели и корабль начал плавный спуск.

Над нами было голубое небо и ослепительное солнце, между нами и землей только редкие перистые облака.

–Куда нас вынесло?

–Затрудняюсь ответить. Когда это началось, станция была над Россией. Но мы падали по довольно странной траектории – практически по прямой. Челнок будто притягивало огромным магнитом!

–Я тоже обратил на это внимание, – согласился я с Робертсоном.

–Примерно на высоте тридцать семь-сорок километров корабль словно ожил от комы и стал подчиняться управлению. Все это довольно странно...

–Давайте попробуем связаться с Землей, – вновь предложил Осака.

Едва Робертсон переключил тумблер, как нас с новой силой обрушился звуковой хаос состоящий из хрипов, тресков и грохотов.

Американец разочарованно помотал головой.

–Дело дрянь. Я надеялся, что хоть в стратосфере это пропадет. Значит, придется садиться вслепую.

Он сдвинул рыжие брови и добавил лично для меня:

—И все-таки мне кажется, что ваш спутник что-то наде-
лал...

Мне оставалось только молчать, потому что я не мог ни опровергнуть, ни подтвердить его догадку. Но постоянные напоминания о спутнике раздражали. Было не по себе лишь от одной мысли, что это все могло произойти из-за меня.

Чем ниже опускался корабль, тем яснее становились масштабы катастрофы, затронувшей не только космос. Под нами простирались изрытые воронками, будто после бомбежки, леса и поля с редкими островками населенных пунктов. Над поверхностью тянулись длинные султаны дыма всех возможных цветов. Где-то далеко на северо-востоке показался большой город, рядом с которым, по всей видимости, располагался аэропорт.

—Дотянем? — спросил я Робертсона.

—Ни в коем случае. Дело даже не в топливе. Мы не можем подвергать опасности население, потому что даже не знаем, есть там посадочная полоса необходимых размеров. Вот если бы у нас была связь... — американец сделал последнюю попытку, вновь убедившись, что ничего кроме треска и шума приемник не улавливал.

—Придется садиться на любое подходящее поле.

—Это самоубийство! Челнок взорвется! — возмутился я.

—Он достаточно крепок и намного надежнее старых моделей типа «Челенджера», но если подломится шасси, то все возможно.

–В таком случае лучше сразу садиться на брюхо...

–А если попробовать на шоссе, – предложил японец, приподнявшись со своего места и заглянув вниз. – Черт, шоссе забиты машинами...

В таком случае Робертсон прав, единственный вариант – это сесть на поле.

–Добрынин, как на счет этого? – американец указал на желтую полосу поля окаймленную с трех сторон буферной лесополосой.

–Километра два-три будет. Вы уверены, что нам этого хватит?

–Нет, но остальные еще меньше, – он уверенно отвел штурвал от себя. –Я постараюсь сбросить лишнее топливо, посмотрим, что выйдет...

Пока Робертсон нарезал круги над полями, сжигая остатки топлива, я старался не думать о том, что произойдет, если он ошибся.

Наконец, челнок, сделав последний круг, стал быстро снижаться. Желтое поле надвигалось на нас со зловещей быстротой. Мне показалось, что мы летим слишком быстро, и спросил об этом Робертсона. На что тот ответил:

–Я опустил скорость до минимума!

–А если мы налетим на дренажную канаву! – вдруг опомнился я.

–Поздно, я уже не смогу поднять корабль обратно! Да поможет нам господь! – прокричал американец сквозь нараст-

тающий рев двигателей.

Мурашки пробежали по моей спине, когда корабль, чуть не срезав верхушки тополей, пронесся над лесом и тяжелой тушей рухнул на поле. Затем меня чуть не вырвало из кресла, когда челнок начало трясти и подбрасывать. Поле оказалось вовсе не таким ровным, каким выглядело сверху. Несмотря на колоссальное трение, мы явно не вписывались в импровизированную «посадочную полосу».

–Держитесь! – успел выкрикнуть я, прежде чем челнок достиг подлеска, и удар чудовищной силы выбросил меня из кресла...

Глава вторая

Первым ощущением было то, что я состою из одной только боли. Голова просто раскальвалась, на лбу и левой щеке чувствовалось неприятное жжение, во рту ощущался характерный привкус крови.

Я открыл глаза и обнаружил, что надо мной склонился Робертсон, – в руке он держал инъектор.

–Слава богу, вы очнулись! – обрадовался он.

В его руке появился кусок ваты, которой он стер с моего лица кровь. Но едва Робертсон коснулся носа, как я вскрикнул от острой боли.

–Простите, у вас, кажется, сломан нос...

–Надеюсь, что это самое страшное, – еле ворочая языком, произнес я. –А что вы мне вкололи?

–Вас с такой силой швырнуло на панель, что я думал – вам конец. Но ничего, боль скоро пройдет, я вколол вам антишок, через полминуты вы будете полны бодрости... но этого хватит минут на сорок не более, потом боль вернется.

Я пошевелил руками, а затем при помощи Робертсона принял сидячее положение. Боль понемногу утихала, и я почувствовал в себе силы встать на ноги. Голова, правда, кружилась, но я все равно встал и, придерживаясь о стенку, спросил у Робертсона:

–А где Осака?

–В соседнем отсеке начался пожар. Он пытается потушить его. Но, по-моему, это бесполезно. Необходимо как можно быстрее эвакуироваться!

Лишь после его слов я обратил внимание, что в кабину уже стал проникать дым. Мой разбитый нос был наполнен кровью, поэтому я не ощущал запах гари, но дышать от этого не становилось легче.

–Потерпите, я сейчас открою запасной выход!

Пока Робертсон мучался с люком, в кабину влетел взмокший от пота японец, а за ним ворвались клубы серого дыма. Затворив дверь в соседний отсек, прокашлявшись, он сказал:

–Все очень плохо! Я не сумел потушить пожар.

–Лучше помогите мне! – натужно прокричал Робертсон, силившийся открыть люк.

Наконец четыре руки повернули заклинивший замок, и запасной вход открылся. Пока Робертсон закреплял аварийную лестницу, Осака кинулся ко мне и предложил свою помощь.

–Ничего, как-нибудь сам, – отказался я и медленно двинулся к открытому люку.

Как мне показалось, японец развел слишком активную деятельность. Может быть, таким образом он пытался реабилитироваться за свое неадекватное поведение в первые минуты катастрофы.

–Добрынин, вы сможете спуститься самостоятельно? –

спросил меня Робертсон.

–Постараюсь.

–Тогда я пойду первым, и буду страховать внизу, – сказал он и скрылся в проеме люка.

Едва я подошел к выходу и поглядел под ноги, как у меня закружилась голова. Челнок, подмяв под себя подлесок, словно траву, достиг основного леса и чудом остановился о полувековых елей и берез. Сквозь кроны деревьев виднелось залитое солнцем ржаное поле. Тишина. Лишь где-то в глубине чащи слышались тревожные голоса птиц. А ведь еще несколько минут назад этот мирный уголок сотрясал чудовищный рев реактивных двигателей. Теперь же природа, словно стремясь компенсировать противоестественный ей шум, исцелялась тишиной.

Да, я дома. Жаль, только запахов не чувствую. А как бы было хорошо вдохнуть полной грудью запахи родного дома после двух месяцев космической стерильности, а затем попасть в радостные объятия спасателей, прилетевших на вертолете. Вот как я представлял свое приземление. Но судьба распорядилась по иному.

Робертсон стоял на поваленной молодой осине, лежавшей как раз под запасным выходом, и озабоченно глядел на меня.

–Вам нехорошо? Может быть все-таки помочь?

Его вопрос вернул меня к реальности.

–Все нормально, ваше чудо-средство подействовало, – заверил я американца и стал спускаться.

Движения давались с трудом. Ненавистное притяжение опять превратило меня из бога в ползущую тварь, неповоротливое животное, навеки прикованное к поверхности.

Едва встав на землю, я умудрился тут же споткнуться о большой сук и рухнуть на Робертсона.

–Вам все-таки требуется помощь, чтобы идти, – констатировал американец, помогая мне встать.

Я ничего не ответил, рассудив, что Робертсон упертый мужик и спорить с ним бесполезно. Путь делает что хочет.

–Осака ну где вы там! Срочно покиньте корабль! – крикнул он, задрав голову кверху.

Я тем временем перелезал через поваленное дерево и обернулся, когда он закричал. Я увидел, что челнок лежал, накренившись на левый бок, и дымился. Местами языки пламени уже вырывались наружу. Холодок пробежал по спине, стоило мне подумать о том, что будет, если огонь достигнет топливных баков.

–Послушайте, Робертсон, нужно бежать! Корабль может в любой момент взорваться!

–Я слил остатки топлива перед посадкой, но бог его знает, вдруг там еще что-то осталось... Осака, двигайте вашу задницу, черт побери! – заорал он пуще прежнего.

Японец выглянул из открытого люка.

–Хорошо, хорошо. Но сначала надо спустить аварийный запас! – с этими словами он выкинул вниз мешок.

–К черту запас! Мы приземлись в населенной местности!

Немедленно слезайте! Я вам приказываю...

Не успел Робертсон договорить, как в двигательном отсеке раздался сильный хлопок, а затем из лопнувшей обшивки вырвался столб пламени и повалил черный дым.

Мы оба пригнулись.

–Осака немедленно спускайтесь! – заорал американец.

Японец выбросил последний мешок и наконец-то полез вниз.

–Помогите Добрынину. Я потащу мешки сам! – сказал он на ходу.

Робертсон молча подхватил меня за руку и потащил за собой. Мы двигались быстро, как только могли. Поначалу было сложнее всего. Приходилось перелезать через поваленные молодые деревья подлеска. Я обернулся и увидел, что японец тащил сразу два мешка: один на спине, другой в ругах, и все больше отставал от нас. Робертсон одернул меня, чтобы я двигался быстрее. У меня не было столько сил, сколько у него. Во-первых, потому что я пострадал при посадке, а во-вторых, потому что намного дольше пробыл в невесомости. Несмотря на допинг, который мне вкололи, и специальную систему тренировок, мышцы и главное сердце, отвыкли от земного притяжения. Поэтому я шел так, словно нес тяжелый мешок картошки на плечах. Но Робертсон похоже совсем забыл об этом и с упорством бульдога тащил меня вперед. Я больше не оборачивался, однако слышал позади треск сучьев. Осака спешил за нами.

Мы уже вышли на поле и отделились от лесополосы метров на сорок, когда неожиданно прогремел взрыв, и нас повалило на землю.

–О, боже, мой нос! – простонал я, приподнимая голову.

Новый приступ острой боли, казалось, пронзил мой череп насквозь. Я лег на спину и, глубоко выдохнув, задержал дыхание. Боль стала меньше. Укол действовал все лучше.

Робертсон уже был на ногах и протягивал мне руку.

–Добрынин, с вами все в порядке?

–Все нормально, просто дайте мне немного отдохнуть.

–Хорошо. Я пока пойду посмотрю, что с Осакой.

Слушая удаляющиеся шаги американца, я смотрел в ослепительно голубое небо, откуда нещадно палило летнее солнце. И если бы не черный дым то и дело накрывавший меня тенью, картина была бы совсем идиллической. Неожиданно я увидел, как небо прочертили несколько темных точек, одна из которых вспыхнула красным и тут же погасла. Остальные пропали из зоны видимости, скрывшись за горизонтом.

–Добрынин, идите сюда! Мне необходима помощь! – донесся до меня восклик астронавта.

Я заставил себя подняться и, подминая сухие колосья, потащился к Робертсону, который стоял на опушке и махал мне рукой.

–Лучше бы он бросил эти самые мешки. Господи упокой его душу... – мрачным голосом сказал американец, когда я вылез из ржаного моря.

Осака лежал почти у самого края лесополосы между деревьев, уткнувшись лицом в траву. На его спине лежал злощастный аварийный запас, не спасший его от осколка, который вошел ему в затылок. Второй мешок валялся рядом.

Какая нелепая смерть, пронеслось у меня в голове, выжить после такой чудовищной передряги на орбите, добраться до земли и погибнуть от случайного осколка!

–Давайте решим, что делать. Может быть, стоит его перетащить?

–Зачем? Какая разница, где он будет лежать? Когда мы найдем помощь, его заберут.

–Это так, но я боюсь, что он просто-напросто сгорит. Разве вы не слышите, что огонь подступает все ближе?!

Огонь вокруг взорвавшегося челнока и вправду распространялся со зловещей быстротой. Характерный треск становился все громче, задымленность увеличивалась, на нас уже подул горячий воздух, словно струя из гигантского фена. Словом, пожар был совсем близко.

–Если мы будем тащить его, то сгорим сами! Нужно бежать!

–Давайте, по крайней мере, возьмем запас, раз уж он притащил его.

Мы подхватили мешок за ляжки и быстрым шагом двинулись вперед. Огонь следовал за нами по пятам. Дым становился все гуще и затруднял дыхание. Мое сердце было готово выпрыгнуть из груди, в ушах звенело, дышал я словно

паровоз. При этом было невыносимо жарко: не меньше двадцати пяти-тридцати градусов, и пот лился с меня ручьями. Но благодаря допингу я шел и шел вперед, низко наклонив потяжелевшую голову.

—Добрынин, кажется впереди речка, — словно откуда-то издалека донесся голос моего спутника. —Давайте поднажмем.

Куда там! Я и так выжал из себя все возможное. Робертсон понял, что я уже не способен идти быстрее и, выдернув из моей руки лямку, стал нести рюкзак в одиночку. Наконец я увидел прямо перед собой кусты можжевельника, за которыми начиналось резкое углубление. И слетел вниз, плюхнувшись в грязь, посреди которой тек узенький ручеек мутной теплой воды. Встать самостоятельно я уже был не в состоянии и стал двигаться дальше на четвереньках, пока Робертсон не вытащил меня на противоположный берег. Там я устало рухнул в траву и замер, не в силах больше двигать ни одной конечностью.

Сквозь звон стоявший в ушах, я слышал, как Робертсон стал ковыряться в мешке, что-то ворча себе под нос. Моя попытка приподняться закончилась плачевно — содержимое желудка изверглось из меня на траву.

Отодвигаясь от собственной блевотины, я вдруг подумал, что завтрак я съел еще в космосе, а вытошнило меня уже на земле. Был в этом какой-то символизм. Так же и вселенная, не переварив наши глупые консервные банки, которые мы

гордо именуем кораблями и станциями, отпрыгнула их обратно за Землю. Мне казалось, что после такой страшной катастрофы человечество оправится еще не скоро, и я уже никогда не полечу в космос. Притяжение будет давить, давить и давить на меня, пока не вгонит в могилу...

Американец растормошил меня.

–Добрынин у вас сотрясение, выпейте, это должно помочь.

Он протянул мне флягу и маленькую белую капсулу. Честно говоря, я не был уверен, что смогу что-либо проглотить. Однако попытался это сделать. Капсула с трудом пролезла через горло и с большим глотком воды улетела в пищевод.

–Лежите на спине и не шевелитесь. Через пару минут она растворится, – посоветовал мне Робертсон.

Но я бы обошелся и без его советов, потому что лежать – это единственное, что я сейчас мог.

Робертсон вынул из рюкзака радиостанцию и включил ее в режим сканирования, пытаюсь уловить хоть какие-то осмысленные сигналы. Шум стал немного тише, но все равно заглушал любую волну в эфире.

Пожар тем временем подступил совсем близко к противоположному берегу и остановился, не в силах преодолеть водную преграду. Хорошо хоть ветер сносил дым в сторону от нас.

–Вы слышите?! – неожиданно спросил американец.

–Ничего кроме звона в ушах и треска из вашей станции.

–Да нет же! Что-то летит! – он вырубил звук и только тогда я услышал медленно нарастающий гул.

–Помощь! – радостно провозгласил Робертсон.

Не прошло и минуты, как примерно в двух километрах к северу от нас показался вертолет. Я осторожно приподнял голову, опасаясь новых приступов тошноты, и увидел, что он летит мимо нас.

Американец поспешно вынул из мешка ракетницу и запустил сигнальную ракету в воздух. Никакой реакции не последовало. Вертолет не изменил своего курса.

–Черт возьми! – ругнулся он и вновь включил радиостанцию.

На этот раз ему повезло больше. Сквозь грохот и треск до моих ушей донеслись несколько слов:

–«Сокол», говорит «Сокол»... «Гнездо»... Я тебя не слышу!...

–Я ничего не понимаю! Он говорит по-русски! Добрынин, попробуйте вы!

Он протянул мне микрофон и, продолжая держать его над моим лицом, добавил:

–Говорите же что-нибудь!

–Нам срочно нужна помощь! Космонавтам требуется помощь! Позывной «Буян»! Ответьте, «Сокол»! – прокричал я на сколько хватило сил.

Робертсон в надежде на скорый ответ переключил станцию на прием, но похоже, нас не услышали. Вертолет про-

должал двигаться своим курсом и вскоре исчез за верхушками деревьев. Мы попробовали вызвать их еще раз, однако результат был тот же. В эфире слышались лишь грохот и треск.

—Почему они не услышали нас!?! — недоумевал американец. —Ведь мы же их слышали!

—Возможно у них более мощный передатчик. И как мне кажется, они тоже безрезультатно пытались до кого-то докричаться.

С тяжким вздохом американец лег на траву.

—Это все ваш спутник... — принялся он за старую песню.

Пытаясь увести разговор в сторону, я спросил:

—А как же система оповещения?

—Связи со спутниками нет. Либо они рухнули, так же как и станция, Либо связи мешает этот странный источник помех.

—Сдается мне, что они рухнули. Пока вы искали Осаку, я видел, как с неба падало большое количество каких-то объектов.

—Я тоже видел их, когда мы шли. Но это могли быть обломки станции.

—Вам не кажется, что они слишком долго падали...

Промолчав немного, он ответил:

—Кажется, но что это меняет?!

—Только не говорите мне, что виноват наш спутник.

—Поймите, Добрынин, я вовсе не обвиняю вас лично. Вы действительно могли ничего не знать...

–Как летчики «Энолы Гей»? – неожиданно вырвалось из моих уст.

–Господи, да при чем тут это!?! Может быть, ваш спутник вообще не имел никакого отношения к военным! Но в результате испытаний что-то пошло не так. Яйцеголовые как всегда чего-нибудь не учли. Или же произошел какой-то сбой... Знаете, при желании даже безобидная микроволновка может стать опасным оружием.

Его слова заставили меня вспомнить о желтом индикаторе, который так и не загорелся. Не уж-то все из-за него? Да нет, не может того быть, чтобы из-за сбоя в каком-то дурацком спутнике нарушилось природное равновесие. Я не верил, что маленький прибор мог вызвать настолько страшные последствия.

Или не хотел верить?! Атомная бомба ведь тоже не очень большая, а какой эффект! Значит, Робертсон не так уж далек от истины. Чем черт не шутит, а вдруг это действительно из-за нашего спутника?!

Меня брало в дрожь от подобных мыслей. Единственным оправданием было то, что я находился в абсолютном неведении. И тут меня осенила страшная догадка. На Земле опасались непредвиденных последствий и поэтому специально не сообщили нам суть эксперимента. Но в таком случае это просто свинство! А Рымкевич урод каких свет не видывал! На его совести жизни троих, нет уже четверых космонавтов и, бог знает, скольких мирных жителей. Я еще раз вспомнил

о Степаныче и подумал о том, что сейчас чувствует его семья.

Пока я размышлял, американец достал из рюкзака пистолет и кобуру и закрепил ее на комбинезоне.

–К чему это?! Мы ведь не на вражеской территории.

–Предосторожность необходима. Во время стихийных бедствий возможны случаи мародерства. Лучше скажите, куда мы двинем?

–Город был на северо-востоке. Значит, туда. А куда же еще? – пожал плечами я.

Жмурясь, Робертсон глянул на небо.

–Надеюсь, мы доберемся до цивилизации до заката.

–Не знаю, по Москве сейчас без четверти одиннадцать.

–Гм... Если судить по солнцу, то здесь часа на два больше, – прикинул Робертсон и я с ним согласился.

Американец закинул за спину рюкзак, и мы двинулись в путь. Трава на поле была недавно скошена, поэтому идти было легко. Не будь такого сильного задымления, наша дорога показалась бы увеселительной прогулкой. Но лесные пожары вокруг были столь сильны, что дым порой закрывал солнце. Впрочем, поле, по которому мы шли, огонь пока что не за тронул. Но никто не мог гарантировать, что пожар не застанет нас врасплох где-нибудь впереди.

Пока мы шли, я обратил внимание, что с неба по-прежнему падали метеоры. Робертсон тоже заметил это и, сдвинув брови, осторожно спросил:

–Добрынин, давайте постараемся восстановить ход событий. Может быть, это пояснит ситуацию.

Какой же он все-таки зануда, подумал я. Интересно его что-нибудь заботит кроме причин катастрофы? Но с другой стороны, о чем было еще говорить? О погибших товарищах? Чтобы нам обоим стало еще тошнее? Нет, об этом говорить будем после, когда окажемся в безопасности.

Прокашлявшись, я ответил:

–Хорошо, иначе вы никогда не отстанете от меня.

Затем кратко описал ему все события вплоть до взрыва, погубившего станцию.

–Чему, по вашему мнению, радовался Цыплаков? – спросил он, когда я закончил.

–Наверное, эксперимент удался...

–Но ведь вы утверждаете, что он тоже ничего не знал. Как же в таком случае он узнал, что эксперимент удался?

Тут я задумался. А ведь действительно, Цыплаков закричал «Если бы ты это выдел!». Стало быть, он что-то увидел. Я сосредоточился, пытаюсь вспомнить, как выглядел спутник в последний момент. Но зрительная память сохранила лишь уплывающий в пустоту цилиндр. Спутник тогда меня мало волновал. Казалось, это было давным-давно, словно в другой жизни, хотя с тех пор прошло не больше двух часов.

–Не знаю, не знаю... – в задумчивости произнес я.

–Ладно, откровенность за откровенность, – вдруг сказал американец. –Нам дали приказ наблюдать за вами. И даже

перенесли время выход в космос. Мы должны были не только зафиксировать на видео ваш эксперимент, но и провести различные физические измерения. Объяснения были очень туманны, но я понял, что наши ведут разработки в том же направлении и хотели бы как можно больше узнать, читай украсть у ваших.

—Вопрос, только в каком направлении велись эти самые разработки?

Робертсон кивнул.

—Мне думается, что к связи это не имело никакого отношения.

Вскинув голову, я увидел, как высоко над нами пролетел серебристый объект и, оставляя за собой темный след, спикировал куда-то на север. Затем по округе разнесся страшный грохот, земля под ногами завибрировала, из-за линии горизонта вырос темно-серый гриб взрыва. Мы невольно пригнулись. Но совершенно напрасно, ибо тот объект упал далеко. Реальная же угроза надвигалась на нас с совсем другой стороны. Самолет (по крайней мере, так мне показалось вначале) пролетел на бреющем полете, едва не зацепив наши головы, и приземлился на поле меньше чем в полукилометре от нас.

Мы стояли в замешательстве несколько секунд, пока Робертсон не сказал:

—Добрынин, оставайтесь здесь. Я проверю, может быть, там кто-то остался жив.

Он скинул с себя рюкзак и побежал к приземлившемуся самолету. Впрочем, этот агрегат можно было назвать самолетом лишь с натяжкой. Даже отсюда я видел, что его форма довольно необычна. К примеру, я не наблюдал ничего похожего на хвостовое оперение. Не нравилось мне это, ой как не нравилось. Но сообщить о своих опасениях Робертсону я не успел, потому что он уже был слишком далеко и приблизился к «самолету».

Наблюдая за американцем, я пропустил тот момент, когда над полем появился еще один объект. Он пронесся над нами с безумной скоростью и тут же исчез. Все произошло настолько быстро, что я даже не успел понять, как он выглядел. В глазах остались лишь темная полоса, расчертившая голубое небо, а затем огненный ком, на месте которого еще секунду назад лежал странный самолет.

–Не-е-е-т! – закричал я.

Но мой крик уже ничего не мог изменить. Взрыв опрокинул Робертсона навзничь и раскидал по полю тысячи полыхающих осколков.

Я упал на траву и закрыл голову руками. Потом когда все стихло, я вскочил и, позабыв про усталость, со всех ног побежал к Робертсону. Шансов на то, что он остался жив, было очень мало, но если он ранен, то дорога каждая секунда.

Американца я нашел недалеко от обломков «самолета». Он был весь в крови и уже не дышал. Ему разворотило грудную клетку. Спасти его я был не в силах.

Ноги стали как ватные, и я опустился на колени рядом с ним. Мне было больно и страшно. Больно, потому что погибли все, кто был со мной на орбите, и я был пусть косвенно, но виноват в их смертях. Страшно, потому что смерть следовала за мной по пятам, даже здесь на Земле она безжалостно истребляла оставшихся. Вокруг меня словно была какая-то злая аура.

Пока мы оставались вдвоем, никто из нас старался не упоминать о гибели товарищей, но это не значит, что мы не думали о них. Теперь же, когда я остался один, ощущение утраты навалилось на меня с удвоенной силой. Казалось, их лица с неммым упреком смотрят на меня с того света. Почти незнакомые Грин и Маккол, ворчливый, но мудрый Цыплаков, суетливый японец, и наконец упертый рыжий янки – Робертсон.

Они были мертвы, а мне еще предстояло добраться до города. Во что бы то ни стало добраться и рассказать все.

Я забрал у Робертсона пистолет – сорок пятого калибра, какая-то специальная модель для NASA. Даже беглого взгляда на обломки хватило, чтобы понять, – остаться в живых после такого взрыва никто не мог. Но почему-то тянуло подойти ближе, словно кто-то подзывал меня. Пересилив страх, я поднялся и стал осторожно приближаться к дымящимся обломкам. Сделав шагов двадцать, я замер. Слева от меня валялся достаточно крупный кусок серебристого металла похожий на часть разбитой скорлупы, внутри которой что-то

лежало. Подойдя ближе, я увидел мутно-серое месиво с едва ощутимым оттенком зеленого, заполнявшее углубление. Вид был не из приятных. Будь в моем желудке хоть что-нибудь, меня наверняка вырвало бы. Я уже хотел отвернуться и пойти прочь, как вдруг различил запачканный серой «грязью» блестящий диск со странными иероглифами на поверхности, напомнившими мне то ли арабскую вязь, то ли китайское письмо. Но каким образом здесь очутился самолет с ближнего востока или из Китая я не мог. Разве что началась война?!

По спине пробежали мурашки, едва я подумал о войне. А вдруг, наш эксперимент был воспринят как акт агрессии и послужил толком к новой мировой бойне. Не потому ли с неба падает такое количество непонятных объектов? Все это очень похоже на работу ПВО...

Я сам нагнал на себя такого страха, что был не в силах сдвинуться с места. Но правая рука как будто жила собственной жизнью и помимо моей воли опустилась за странным диском. Едва ладонь коснулась металла, как я почувствовал, что напоролся на что-то очень острое. Руку словно пронзила огромная игла, влившая в вену какую-то вязкую жидкость, которая быстро распространилась по кровеносной системе. Боль пронзила все тело словно электрический разряд, в глазах потемнело, и я потерял равновесие...

Какое-то время спустя я очнулся, обнаружив, что лежу на земле рядом с обломком таинственного самолета. Пальцы

сжимали блестящий диск, из-за которого я, кажется, распол ладонь.

Это надо же польститься на блестящую железку, словно абориген какой-то! И что же такого я в нем нашел?

Я разжал пальцы, ожидая увидеть глубокий порез и кровь, но к своему удивлению ничего такого не заметил.

Хм, странно... Вероятно померещилось. Меня как будто током долбануло...

Я подумал, может, лучше его выкинуть, но отчего-то не смог это сделать. Диск с загадочными иероглифами словно прилип к моим рукам. Какое-то подспудное чувство подсказывало, что он мне еще пригодится. Не знаю, каким образом, но обязательно пригодиться.

–Ладно, черт с ним, пусть остается! – рассудил я и засунул диск в карман.

Стоило мне подняться на ноги, как вдруг желудок заурчал словно живое существо. От неожиданно навалившегося голода у меня чуть не помутнело в глазах. Мне показалось, что если в ближайшие минуты я не съем чего-нибудь, то обязательно помру. Я ринулся назад, подобрал мешок и не чувствуя под собой ног сел на скошенную траву. Затем судорожно раскрыл мешок и буквально за пару минут сожрал большую часть съестных запасов лежавших там.

–Это ненормально, – подумал я, когда голод отступил, – со мной что-то не так!

Может быть, это и вправду из-за диска? Или из-за то-

го укола? В голове появились какие-то полуфантастические мысли о вирусах или мутациях, которые могли стать следствием испытаний проведенных нами на орбите. Я отогнал их, пытаясь найти вполне реальные объяснения случившегося со мной. Однако ничего путного на ум так и не пришло.

Я вспомнил об американце, который так и остался лежать вблизи с обломками странного летательного аппарата. Его бы следовало перенести в более надежное место, но я боялся туда возвращаться. И потом какая разница, где он будет лежать. Все равно, когда я найду помощь, его тело подберут спасатели. Если конечно, я успею найти помощь...

Как бы то ни было, я должен постараться.

Уложив вещи обратно в рюкзак, я вытащил диск из кармана. Меня все еще терзали сомнения, брать ли его с собой или оставить здесь. Однако необычность этого куска металла странным образом притягивала меня. Диск был примерно десять сантиметров в диаметре, почти плоский, странные иероглифы располагались по окружности двумя рядами, в корпусе из светлого металла имелось несколько отверстий. Решив все же его взять с собой, я очистил диск от грязи и запихал обратно в карман комбинезона. А затем двинулся на северо-восток.

Преодолев еще одно поле, я захотел немного срезать и пройти через лес, и тем самым совершил роковую ошибку. Пожар настиг меня в глубине чащи, когда я неторопливо шел по едва заметной тропинке, петлявшей между берез. Я слыш-

ком поздно понял, что очутился в огненной ловушке.

Это лето выдалось на редкость жарким и сухим. Жара началась с середины июня, и над многими областями дожди не выпадали уже больше месяца. Поэтому деревья горели, словно спички, и ничто не в силах было задержать огонь, с жадностью поглощавший гектары леса. Но одно дело, когда ты сморишь на это со стороны, и совсем другое, когда ты оказываешь в эпицентре стихии. Я в панике заметался, ища выхода из ловушки, но огонь, казалось, обступил меня со всех сторон. Густой дым затруднял дыхание, становилось все жарче, словно я попал внутрь топки. Упругие ветки секли меня по лицу и мешали двигаться. Мечась по горящему лесу, я успел дважды обжечь руки и подпалить штанину. Пожар тем временем сжимал вокруг меня свои огненные тиски.

Наконец я выбрался на поляну, посреди которой был пруд. Вот только воды в нем не оказалось, – только небольшая лужица на дне. Но выбора у меня не оставалось. Я прыгнул вниз и, улегшись на дне высохшего пруда, стал жать, когда пожар пройдет мимо. Вжавшись в землю, я ощущал, как жар становится все сильнее, а треск ломающихся сучьев громче. Но самым главным врагом был дым, с угрожающей быстротой заполнявший мое убежище. Дышать стало невозможно, но и бежать было некуда, – вокруг пруда полыхала сплошная стена огня. Я сдерживал дыхание, пока меня не стало мутить. Затем пришлось вдохнуть, после чего я вырубился.

Глава третья

Придя в себя, я перевернулся на спину, судорожно вдыхая горячий воздух, наполненный запахом паленого дерева. Чем он даже был приятен, словно я заснул под убаюкивающее брэнчание гитары напротив костра, в котором мои друзья собирались печь картошку. Правда, в этот раз в роли картошки выступал я сам.

Когда взгляд прояснился, я увидел, что вокруг вместо деревьев стояли обугленные черные палки. Меня окружало несколько метров земли, еще недавно служившей дном маленького пруда, а кругом была только чернота. Сгорело все: деревья, кустарники, травы и даже мох. Я находился в центре гигантского пепелища, бывшего когда-то лесом.

Упираясь руками, я встал на колени и неожиданно вспомнил, что сильно обжег ладони. Или это привиделось мне? Ведь они совершенно не болели.

Я поднес ладони к лицу и не поверил своим глазам: на местах ожогов розовела свежая кожа. И застыл, пытаясь понять, что же со мной произошло. Лишь теперь я вдруг сообразил, что дышу через нос и ощущаю запахи! Кроме того, сломанный нос перестал болеть. А желудок вновь требовал еды.

Со мной происходила какая-то аномалия и началась она с тех пор, как я ухватился за тот странный диск, и мою ру-

ку кольнуло что-то непонятное. Но теперь я даже не знал – радоваться этому или огорчатся. Естественные опасения по-прежнему не оставляли меня. Опять появились мысли о вирусе или мутации. Но я старался гнать от себя подобные мысли.

Желудок урчал. А еды, к сожалению, у меня не оставалось, потому что мешок я уронил где-то в лесу, когда пытался унести ноги от пожара. Значит, придется терпеть, пока не найду что-нибудь съестное или не выйду к людям, где меня, надеюсь, накормят.

Ну что ж, подведем итоги. Аварийного запаса у меня больше нет, остался только пистолет с двумя запасными обоймами, часы, компас и загадочный диск, о предназначении которого оставалось лишь догадываться. С таким багажом я долго не протяну. Стало быть, мне нужно как можно скорее добраться до людей.

Я поднялся на ноги в прекрасном самочувствии, не чувствуя ни боли ни слабости. Единственное, что доставляло мне физический дискомфорт, так это чувство голода.

Около четверти часа я плутал по выгоревшему лесу, пока не вышел на бетонку. Дорога шла как раз в нужном направлении – на северо-восток, и я побрел по ней.

На часах было одиннадцать минут седьмого. Впрочем, это время было выставлено примерно, когда мы решили, что местный часовой пояс на два часа опережает Московское время. Солнце уже налилось красным цветом и медленно

ползло к горизонту, так что, возможно, Робертсон был прав. Но это означало, что я лежал без сознания порядка четырех-пяти часов.

Бетонка послужила преградой для огня, поэтому лес слева от меня остался невредим. Справа же было черным-черно. На сколько хватало глаз стояли лишь обугленные палки, словно иллюстрация о глобальной атомной катастрофе. Ветер нес дым откуда-то с востока, где все еще свирепствовали пожары.

И все-таки катастрофа произошла, напомнил я себе, только вот какая? И главное почему? Вопросы, на которые я пока не знал ответа.

В половину седьмого я вышел к мосту. Вернее, не мосту даже, а земляной насыпи соединяющей два берега небольшой речушки, которая текла сквозь две здоровых трубы. Воды в речке было совсем мало. Проклятая засуха сделала свое дело. Я умылся от копоти покрывавшей мое лицо и руки. Наверное, если взглянуть со стороны я представлял собой плачевное зрелище. Комбинезон ободран, местами обожжен. Я был скорее похож не на космонавта, а на бомжа, случайно нашедшего на помойке выброшенную космическую амуницию.

И здесь речка прервала триумфальное шествие огненной стихии, оградив лес на противоположном берегу.

Я перешел речку и двинулся дальше, ощущая новый приступ голода. Конечно, я мог свернуть с дороги, и попробо-

вать найти что-нибудь съестное в лесу. Но почему-то я был уверен, что дорога вот-вот выведет меня к людям. Местами на дороге были видны совсем еще свежие следы колесного трактора. Один раз мне даже послышался какой-то механический звук, свидетельствующий о том, что цивилизация где-то рядом.

Прошло еще минут десять, прежде чем я увидел трактор, следы которого встречались по пути. Однако эта находка во все не обрадовала меня. Трактор, видимо, съехал с дороги и, врезавшись в дерево, перевернулся на бок. Лишь подойдя вплотную, я увидел на разбитых стеклах и внутри кабины большое количество крови. От перевернутой машины кровавый след тянулся по зелени и исчезал где-то в глубине чащи.

Мурашки пробежали по коже, а рука сама собой потянулась за пистолетом. Вынув оружие, я обыскал кабину, сам не зная, в поисках чего. Полезной оказалась только полуторалитровая пластиковая бутылка от лимонада, наполовину заполненная питьевой водой.

Мне было совершенно непонятно, кому и зачем понадобилось убивать человека ехавшего на тракторе. Может быть, в лесу орудует маньяк-людоед, почуявший, что пришло его время?! Чушь! Особенно если приплести сюда всякие серебристые объекты, диски со странными значками и «страшные мутации». Но кто-то ведь убил тракториста?!

Жадно глотая воду из найденной бутылки, я не переставал

опасливо оглядываться по сторонам.

Или я преувеличиваю. А вдруг здесь просто тащили труп или даже раненого после случайной аварии? Но тогда почему в лес, а не по дороге?

Так и не решив очередную дилемму, я двинулся дальше. Пистолет на всякий пожарный я держал наготове. С каждым шагом, чувство опасности нарастало. Шестым, седьмым или каким-то другим чувством, выходящим за рамки обычного восприятия, я ощущал присутствие врага, который еще не видел меня, но ждал, чтобы... съесть. Бред! Это мой желудок требует жратвы, никто не собирается меня съесть. Это все глюки. Просто я сам хочу есть.

Наконец бетонка вывела меня к железнодорожному переезду. На столбике висела табличка: «Пост 33 км». Недалеко от переезда располагался деревянный дом, окруженный огородом.

Вот и слава богу! – обрадовался я. – Там наверняка кто-то есть.

И не ошибся: там действительно кто-то был. От дома через рельсы ко мне неуклюже прыгало непонятное существо высотой чуть больше метра – помесь ежа с медведем. Звук, который оно издавало, нельзя было назвать ни рычанием, ни ревом. Я никогда раньше не слышал ничего подобного, но не сомневался в его намереньях. Из большой клыкастой пасти чудища, словно вырывалось торжествующее «Еда!!!». Неуклюжесть зверя оказалась обманчивой. Просто он двигался

каким-то необычным способом. Раскрыв свою чудовищную глотку, он без промедления прыгнул на меня...

Я уже не помню, как поднял пистолет и со всей силой надавил на спусковой крючок. Пули настигли зверя в полете, попав ему прямо в открытую пасть. Но животному хватило набранной инерции, чтобы повалить меня на землю. Меня обдало зловонным запахом и забрызгало липкими слюнями, больше похожими на сопли. Колочки зверя больно укололи в живот. Я брезгливо скинул с себя мертвую гадину и откатился в сторону.

Сердце бешено колотилось, руки дрожали, особенно правая, в которой я держал пистолет. Лишь теперь я осознал, какой опасности подвергался, не доверяя собственной интуиции.

Вдох, затем выдох и пауза. Затаив дыхание, я жал пока мои нервы придут в порядок и руки перестанут дрожать.

Никогда в жизни не видел ничего подобного! Возможно какое-то редкое животное, – рассуждал я, разглядывая убитого зверя.

Темно-коричневые с черными полосками колочки, почти круглое тело с невиданно большим ртом и короткие ножки. Впрочем, они не помешали ему прыгнуть на несколько метров и уронить меня на землю. Не эта ли тварь сожрала тракториста? А может быть их здесь много?

Я в ужасе поднялся и, сжимая в руках рукоятку пистолета, стал озираться по сторонам. Со стороны дома донесся звук,

как будто что-то упало. Потом я услышал женский крик: – Помогите!!!

–Убейте этих зверюг! – это уже кричал мужчина.

Я перешел железнодорожное полотно и медленно, каждую секунд ожидая нового нападения, приблизился к огороду окружавшему дом.

–Сколько их было? – крикнул я.

–Мы видели троих... – ответил мужской голос.

Теперь я разглядел, откуда они кричали. Из разбитого окна, которое было закрыто изнутри шкафом.

–Осторожнее, вот оно! – предупредили меня.

Я увидел, как животное проскользнуло вдоль стены дома, и побежало между кустов красной смородины прямо ко мне. Пистолет затрепетал в моей руке, извергая из себя свинец. Первая пуля прошла мимо, – тварь слишком быстро двигалась, но вторая и третья нашли свою цель. Я отпрянул в сторону, уклоняясь от кровожадной пасти. Зверь пролетел мимо меня, но был еще жив. Четвертая пуля, угодившая в лоб, добила гадину. Лишь после того, как животное застыло на земле, конвульсивно дергая маленькими лапками, я смог облегчено выдохнуть.

Расслабляться еще рано, где-то бродит третий, напомнил я себе.

–Вы его убили? – из дома послышался голос мужчины.

–Да.

–Слава богу! Значит, мы можем выйти.

—А как же третий?

—Одного я заколол вилами. Посмотрите, он должен лежать около крыльца.

Пройдя между парниками с огурцами и помидорами, я невольно облизнулся. И не в силах сдержать себя, сорвал огурец побольше и буквально за несколько секунд сожрал его.

Мертвый зверь и в правду лежал около крыльца проткнутый вилами, торчавшими из его тела, а вокруг была лужа черной крови! Никогда не слышал про животных с черной кровью. Вероятно, оно настолько экзотическое, что даже кровь у него какая-то не такая. Но откуда ему тут взяться, коли оно такое экзотическое? Не с неба же оно свалилось? А кстати мысль! Что если грузовой самолет, перевозивший животных, упал где-то неподалеку?

—Да он мертв, — подтвердил я.

Только после этого дверь медленно отворилась, и в проеме показалось бледное напуганное лицо мужчины лет шестидесяти. Мужичок был невысокого роста, худой, но жилистый. На нем были тренировочные штаны и старая майка.

—Спасибо, сынок! Я уж думал, хана! — поблагодарил мужик.

Женщина вышла следом. Типичная деревенская клуша, из тех, кто считает, что после пятидесяти жизнь кончена, и ходить можно только в платочке и куцем бесформенном платье. Я сразу же догадался, что она подозревает меня во

всех смертных грехах и молчит лишь потому, что чувствует себя обязанной за спасение.

–Вы давно тут прячетесь?

–Мы тут живем, а не прячемся! – возмущено произнесла тетка.

Мужик улыбнулся.

–Успокойся, Лена... Теперь все будет хорошо! Иди полежи.

Его жена недовольно фыркнула и ушла в дом.

–Сынок, ты не обращай внимания. Она перенервничала. Мы уже часа три тута оборону держим! Если бы у меня двухстволка не в сарае была, я бы им показал... Участковый доконал, паразит! От него прячу, не зарегистрирована, говорит!

–Вы случайно не знаете, что это за животные? – прервал я мужичка.

Тот с опаской глянул на мертвого зверя, и, почесав затылок, ответил:

–Отродясь не видывал. Но бог его знает, что там, в лесу водиться. Думаю так, их огонь погнал, вот они на человека и стали кидаться.

Я покачал головой.

–Никогда не слышал, что у нас водятся такие животные да еще с черной кровью!

–Сынок, да мало ли что водится! Я вот читал, про мутантов. Думаю так, это и есть мутанты! От всяких там военных

экспериментов пошли. У нас знаешь, сколько тут военных баз было! Уйма! Да что я тебе говорю, ты же сам из военных будешь! Ведь ты летчик, сынок!?

Что-то заставило меня кивнуть. Мужик скорее всего поверит, что я космонавт, а вот его жена вряд ли. Летчик более распространенная профессия, чем космонавт, а значит, будет меньше всяких объяснений. В голове тут же сложилась гипотеза: мой самолет потерпел аварию, а я катапультировался и приземлился где-то в лесу. В это гораздо легче поверить, чем в американский челнок, догорающий в семи-восемью километрах отсюда.

– У вас есть телефон?

– Есть, сынок, но не работает, зараза. Как только с неба падают метеоры начали, все электричество накрылось на хрен и связь пропала. Оба телефона пишут – нет сети!

– Вот черт!

– Да ты не расстраивайся. Может, тебе помочь чем?

– Есть очень хочется. Даже желудок сводит, – признался я. Мужичок улыбнулся.

– Жена! – закричал он. – Накорми нашего спасителя!.. А я пока ружье откопаю.

Я зашел в дом. Кухня была сразу же налево. Тетка молча налила тарелку холодных щей и отошла к окну, старясь не глядеть на меня.

Интересно, чем я ей так не понравился?

Щи закончились очень быстро, но есть по-прежнему хо-

телось. Я кашлянул, и неуверенным голосом попросил добавки.

—На вас не напасешься, — проворчала тетка, наливая вторую порцию, и вновь отвернулась от меня, будто от заразного.

Я посмотрел на старые часы с кукушкой, висевшие рядом со столом, и сверил их со своими. Робертсон угадал верно. Они опережали московское время на два часа. Далекое же меня занесло. Но спросить у тетки, какая это область я не решился.

Пока я ел вторую порцию, в дом вернулся мужик. С сияющим лицом он занес старую двухстволку и коробку с патронами.

—Ну что, служивый, делать-то будем? — спросил он.

—А что вы предлагаете?

—Думаю так, в город нужно ехать! — ответил он, заряжая ружье. —А тута оставаться опасно.

—Зверей боитесь?

—Да нет, сынок, дело не зверях. Тут перегон рядом, а там еще с прошлой недели цистерны с горючкой стоят, ежели пожар до них доберется, нам тута мало не покажется. Так что уходить надо, помощи нам все равно не дожждаться. Если уж тебя не ищут, то про нас и подавно забыли!

Я согласно кивнул.

—А есть на чем ехать?

—Угу! Дрезина у меня имеется. Только ее вытащить надо.

Тяжелая она зараза. Раньше-то когда пост еще не сократили, я на ней часто катался с напарником. А потом одному тяжело стало. Только вот иногда сыны приезжают, так мы на ней в лес по запасным путям...

–Ну, пойдёмте за вашей дрезиной.

Когда мы выходили, я случайно заметил, как тетка повернулась к иконе, которая висела в углу, и стала креститься, тихо нашептывая:

–Это все из-за них, Иродов проклятых...

Знай, она правду, то наверняка записала бы меня в антихристы или, по крайней мере, в черти. Хорошо, что я доверился интуиции и ничего им не сказал...

С другой стороны, тетка недалеко от истины – ведь это действительно сделали мы. Только вот что сделали, я по-прежнему не знал. В памяти вновь всплыл спутник, который надвигался на меня из темноты, и захлебывающийся от радости крик Цыплакова: «Если бы ты это выдел!».

Да что же ты там увидел, Степаныч?! Что же это было, черт побери!?

–А тебя как звать, служивый? – спросил мужичок, когда мы подошли к сараю, где хранилась дрезина.

–Олег.

–А я Павел Игнатиич. Будем знакомы.

Дрезина стояла около дверей накрытая рваным брезентом. Поднатужившись, мы вытолкали ее на улицу, и по деревянным мосткам потащили к рельсам. Я понял, что лучше

поговорить с мужиком сейчас, пока нас не слышит жена.

Я начал издалека:

—А что там, на перегоне, был кто-нибудь?

—Да никого. Сторож, думаю так, удрал еще утром. Телефон там тоже не работает. Я проверял.

—А поезда давно не ходили?

—Да как электричество пропало, так и престаи. Часов в двенадцать последняя элекричка прошла.

—Испугались, наверное, метеоров?

—Да не сильно. Жена вот, испугалась. Я больше пожаров боюсь. И так лес в округе уже цельный месяц горит, а тут еще метеоры с неба падают. Значит, еще больше загорит...

Мужичок хитро прищурился.

—А ты Олег, видать сам ни черта не знаешь, раз меня распариваешь?!

В ответ я наврал ему, что мой самолет разбился еще утром и я целый день бродил по лесу, пока не нашел бетонку.

—А я хотел у тебя спросить. Думал, вы военные знаете. Да стеснялся. Понимаю, военная тайна, сам служил... Слушай, а может война началась? Как думаешь, Олег?!

Я пожал плечами.

—Ну да ладно. Будем надеяться, что нет.

Мы докатили дрезину до железнодорожного полотна и установили ее на рельсы. После этого Павел Игнатович ушел за женой и долго не возвращался. Я уселся на шпалу и стал ждать. Из дома доносились их громкие голоса и какая-то

возня. Жена не хотела покидать дом и до хрипоты спорила с мужем.

Солнце уже скрылось за верхушками деревьев и раскрасило запад в бордо. В траве стрекотали цикады, а где-то в лесу заливался соловей. Ветер стих, и с юга на нас напозла дымовая завеса, отчего запах гари становился все сильнее.

Я засек время. Павел Игнатович с женой вышли только через семнадцать минут. Они несли набитую вещами сумку и по-прежнему спорили.

–Павлуша, может останемся, – ныла тетка.

–Да какое тут! Сгорим ведь заживо! Или зверье опять набежит! Едем к сынам в город, и баста!

Было бы неплохо знать, о каком городе идет речь, подумал я и спросил:

–В город?

–Да, в Тамск. – кивнул мужичок, указывая направление.

Меня словно током ударило, едва я услышал про Тамск. Это название уже звучало сегодня из уст руководителя полета (а казалось, будто в другой жизни). Речь шла о некоем Тамске-13, откуда с нами связывался Рымкевич. Уж не пригород ли это Тамска? Тем более Павел Игнатович упоминал о большом количестве военных объектов в округе. В таком случае все сходится. Стало быть, челнок каким-то невероятным образом тянуло именно сюда, к источнику излучения, которое принял спутник. Картина постепенно начала проясняться. Меня распирало спросить, не знает ли Павел Игна-

тович о Тамске-13. И я рискнул.

Павел Игнатович почесал затылок.

—Что-то слышал, думаю так, это военный городок, но вот где он, черт его знает...

Моя гипотеза подтвердилась. Но что это мне давало? Не буду же я искать Рымкевича, чтобы набить ему морду?!

Двигатель дрезины завелся с раза, наверное, десятого. И потом то, и дело глох, после чего мучительную процедуру приходилось повторять.

Ветер окончательно стих, и дым становился с каждой минутой все гуще. Видимость упала метров до трехсот, а потом, когда начало смеркаться, практически до нуля. Поэтому казалось, что мы ехали из ниоткуда в никуда. Только мутная бездна дымовой завесы и рельсы, возникающие из пустоты и туда же исчезающие. Стук колес и монотонное тарыхтение двигателя.

По словам Павла Игнатовича до города мы должны добраться самое худшее за час с небольшим.

Я сидел с закрытыми глазами и думал о семье. Родители, скорее всего, с замиранием сердца ждут последних новостей. Галька наверняка поехала в ЦУП. Тяжело им сейчас. Может быть даже тяжелее чем мне. Потому что ждать, осознавая при этом, что ты ничем не можешь помочь, — самая худшая мука. Но и я пока был бессилен. Возможно, добравшись до города, я смогу сообщить о себе.

Неожиданно прогремевший выстрел оторвал меня от раз-

мышлений. Павел Игнатович схватился за ружье, но дрезина с каждой секундой уносила нас все дальше от того места, и увидеть стрелявшего, даже если он стоял недалеко от железки, стало просто невозможно.

–А ты говорила останемся, останемся! – гаркнул он на жену, а потом обратился ко мне: –Не нравится мне это, Олег. Чего-то они расстрелялись тут?

–Может быть просто просили остановился?

–Нормальный бы крикнул, а эти сразу палить!

–С чего вы взяли, что их было много?

–Кажись, видел я что-то. Фигуры две или три... а может, и померещилось.

Слушая наш разговор, тетка проворчала что-то неразборчивое. Но было понятно, что это опять касалось меня.

С тех пор как тетка замолчала, больше никто не проронил ни слова. Прошло минут десять, прежде чем из тумана появились едва различимые контуры зданий.

–Это город? – спросил я.

–Нет! До города еще километров двенадцать, – помотал головой Павел Игнатович и заглушил двигатель, затем достал из кармана фонарик и стал светить им вперед. –Это Су-санино, думаю так, лучше сбавить скорость, а то ненароком сшибем кого, да и мост впереди.

Дрезина продолжила путь по инерции. Поселок мимо, которого мы проезжали, словно вымер: ни света, ни звука, только где-то вдали подвывала собака. Мимо пронеслись

несколько строений и платформа, затем вновь пустота.

Похоже, и здесь проблемы с электричеством, рассудил я.

Фермы моста возникли неожиданно, словно волшебник материализовал их из дыма за какие-то доли секунды. Казалось, мост висел над пропастью где-то высоко в горах окутанных густым туманом. Первый пролет мы преодолели без приключений, но едва достигли второго, как луч фонарика выхватил из темноты последний вагон электропоезда, скаты которого были опасно подняты над рельсами.

С воплем «Твою мать!» Павел Игнатович застопорил колеса. Если бы он вовремя не заглушил двигатель, нас бы просто выбросило с дрезины или она врезалась бы в электровоз.

Тетка молча перекрестилась, вжав голову в плечи, когда мы остановились под вздыбленным над колеей вагоном. Мужик и я почти синхронно спрыгнули с и оттащили дрезину назад.

Павел Игнатович выдал матерную тираду, и устало облокотился о ферму.

– Дайте-ка фонарик, – попросил я.

– Ты там смотри, осторожнее. А то еще упадешь...

Взяв фонарик, я пошел вдоль вагона, слыша, как позади опять заворчала жена Павла Игнатовича.

– Это все из-за них.... Прости нас боженька!!!... Из-за них, иродов... – доносился ее скрипящий голос.

Как же он ее столько лет терпит? Честное слово будь я на его месте, убил бы!

Следующий пролет моста проваливался вниз. Я посветил фонариком, но кроме дыма ничего не увидел. Вагоны уходили вниз вместе с мостом, лишь последний остался на уцелевшем пролете, приподнятый общей тяжестью состава. Видимо это была та самая электричка, что проходила в полдень. Мост разрушил упавший с неба метеор или какой-нибудь обломок, а машинисты не успели затормозить.

Я провел лучом по окнам последнего вагона, большая часть из которых оказалась разбитой. Именно здесь после катастрофы должно было остаться больше всего выживших. Значит, это они разбили окна и вылезли из ловушки. Я отбросил мысль, попробовать забраться внутрь и проверить, не осталось ли там кого-нибудь. Потому что положение состава выглядело ненадежным. Того и гляди, рухнет вниз. Думаю, все, кто мог, уже спаслись. Ведь с момента аварии прошло порядка девяти часов.

Я услышал, как заработал двигатель дрезины. Похоже, Павел Игнатович собирался назад. Погасив фонарик, я вернулся обратно. Шустрый пенсионер с ворчливой женой уже поджидали меня на дрезине.

—Садись, Олег! Вертаемся в поселок. Тама у меня один бывший сослуживец имеется, может, пустит переночевать.

Я запрыгнул на дрезину, и мы поехали в Сусанино.

—А как же теперь до города добраться?

—Как с холма спустимся, пойдем через дачный поселок, а за ним, аккурат, шоссе будет и мост, километрах в двух-трех

отсюда. Но это завтра, когда светло станет.

Мы остановились около платформы.

–Пошли, он недалеко живет.

Проплутав в темноте минут десять-пятнадцать, Павел Игнатович наконец узнал дом своего знакомого. Жена все время пока мы бродили между немногочисленных домов поселка, не переставала ворчать. А я старался не вслушиваться в то, что она говорила.

Павел Игнатович долго стучал и даже пару раз крикнул:

–Семен, проснись!

Но дверь нам никто не открыл. Дом выглядел таким же опустевшим, как и весь поселок.

–Да куда они все подевались?! – сказал он, пиная дверь ногой, пока та вдруг не распахнулась.

–О как?! Ну, вы как хотите, а зайду, раз не заперто, – сказал он скорее не для нас, а для тех, кто мог находиться внутри.

В доме никого не оказалось. Все шкафы и полки были раскрыты, вещи раскиданы. Складывалось впечатление, что дом либо обыскивали, либо хозяева в спешке что-то искали. Электричество отсутствовало, поэтому в темноте разобраться было трудно.

–Странно все это.

–Может быть, они тоже ушли? Поселок, например, могли эвакуировать.

–А чего бардак такой? Семен человек аккуратный, он бы

раскидывать вещи не стал...

–Значит, мародеры залезли, – сказал я, вспомнив слова Робетсона.

–Думаю так, лучше пойдем мы отсюда на станцию. А то еще обвинят, – решил Павел Игнатович .

Прикрыв дверь, мы двинулись обратно к станции. Одноэтажная деревянная постройка, примыкавшая к платформе, тоже оказалась не запертой. Вначале мы вошли в помещение, где располагались касса и магазин. Прилавок был разбит, часть продуктов пропала. В служебном помещении я обнаружил телефон, но он естественно не работал.

С тех пор как мы очутились в поселке, меня не покидало тревожное ощущение, что здесь произошла какая-то беда. Не могли жители так просто расстаться со своим жилищем. Значит, был кто-то заставивший их это сделать.

Но идти ночь да еще в густом дыму никому не хотелось, поэтому, не смотря на опасность, решили заночевать здесь. Мы закрыли все двери, а жену Павла Игнатовича отправили спать в служебное помещение станции, где стояли два дивана.

–Давай Олег, иди поспи, а тута покараулю, – предложил мужичок.

–Давайте лучше вы. Чрез два часа сменимся.

–Хороший ты мужик, Олег... – он хлопнул меня по плечу и ушел к жене.

Фонарик остался у меня, поэтому я решил обыскать ма-

газинчик более тщательно. Я ощущал себя последним мародером, но чувство голода было сильнее. В конце концов, магазин уже обокрали, и если я возьму немного еды, то вряд ли это будет иметь решающее значение для владельцев. Все равно большая часть продуктов пропадет.

На полках я нашел хлеб, в размороженном холодильнике несколько плавленых сырков, сделал бутерброды и с удовольствием слопал их, запивая соком из пакета. Кроме того, я обнаружил, что здесь были не только продукты. Я разжился зажигалками, складным китайским ножиком, и даже нашел еще два фонарика и батарейки к ним.

В закрытом помещении не так несло гарью, и было легче дышать, но зато стало душно. И комары, сволочи, накинулись на меня, едва я выключил фонарик.

Снаружи было чудовищно тихо. Я слышал только собственное дыхание и стук сердца, словно там в космосе. С тех пор прошла едва ли половина суток, но для меня это было как будто в другой жизни. Теперь я уже не космонавт, а всего на всего бродяга, промышляющий мелким воровством. Я уже не представлял, как мне удастся доказать свою личность. Ведь при мне не было никаких документов. Только мои голосовые утверждения. Я задумался о том, куда следует обратиться, когда доберусь до города. В милицию?! Нет, там меня точно за идиота примут, к тому же за опасного идиота с оружием! Пожалуй, лучше в ФСБ или МЧС, там люди посерьезнее. С другой стороны, а вдруг у них тоже отсутствует

связь? Сколько мне придется ждать, пока удостоверятся, что мой рассказ правда... Ситуация прямо скажем глупая.

Но я верил, что в конце концов все образуется. Гораздо больше меня беспокоило собственное здоровье. У меня никак не выходил из головы тот момент, когда первый раз взялся диск и получил тот странный укол в руку. С тех пор меня стали одолевать приступы голода. Затем пока я без сознания валялся в лесу, зажили ожоги, и перестал болеть якобы сломанный нос. Или это мне все померещилось?! Спокойно проанализировав эти факты, я пришел к выводу, что, скорее всего, виной тому был диск. Именно он каким-то непостижимым образом сделал мое тело более живучим. Нащупав в кармане гладкую поверхность теплого металла, я вынул диск и зажег фонарик. Разглядывая непонятные значки, я думал о том, кому он мог принадлежать. Неожиданно я услышал тихие голоса.

– Это все они – военные сделали! А он один из них! Твой паршивый, Олег!

– Да замолчишь ты старая, когда-нибудь! Дай уже поспать...

– Если ты не пойдешь, я сама уйду! Негоже с этим ходить! Беду накличет!

– Ох, и надоела ты! Спи, окаянная!...

– Они это все, они... прогневали Бога... – ворчала тетка, уже засыпая.

– Ибо не ведаете, что творите, – сказал я про себя. И ведь,

правда, не ведали ни фига. И до сих пор не ведаем, черт бы побрал, этого Рымкевича!

Павел Игнатович сменил меня на полчаса раньше, чем обещал.

—Иди, посипи, сынок. Меня все равно бессонница мучает. Он уселся рядом и, положив ружье на колени, спросил:

—Тихо было?

—Тихо. Только комары достали.

—Там та же история. Вот моей старухе все не почему! Спит как убитая!

Я зашел в служебное помещение. Тетка мерно посапывал на диване, который стоял ближе к двери. Второй, свободный был у закрытого ставнями окна. Я осторожно пробрался мимо спящей, лег на диван и, устроившись поудобнее, очень скоро заснул.

Мне снилось, что я лечу в космосе и держу в руках спутник. Подо мной Земля. Я нажимаю какую-то кнопку, и знаю, что после этого на спутнике должен загореться желтый индикатор. Но вместо того, чтобы зажечься на спутнике желтые огоньки в большом количестве вспыхивают на Земле. И вдруг я понимаю, что это никакие не огоньки, а атомные взрывы, которые уничтожают планету. Затем все сливается в одну большую смеющуюся морду Рымкевича, говорящую мне: —Это все вы! Ироды проклятые!

Спутник в моих руках превращается в оружие, и я со злостью стреляю в огромное лицо. Но пули рикошетят обратно

и попадают по мне...

Я в ужасе проснулся, ощущая, как по лицу стекает холодный пот. Сквозь щель между ставнями в комнату пробивался свет. Значит, я проспал до самого утра и Павел Игнатович почему-то не разбудил меня. Я встал с дивана и понял, что его жены в комнате не было. Схватив пистолет, я выбежал в соседнее помещение. Но и там никого не было. Дверь на платформу раскрыта нараспашку. Я осторожно вышел наружу и огляделся. Смог по-прежнему висел над поселком. Видимость была не больше двухсот метров. Жизни в поселке не наблюдалось, по крайней мере, в тех домах, которые я видел. Но остальные скрытые от меня дымкой наверняка так же были пусты. Дрезина стояла на том же мете, где мы ее оставили вчера вечером. И решил, что чета пенсионеров ушла пока я спал. Видимо тетка все-таки сумела убедить мужа, что со мной идти опасно.

Ну и ладно, баба с возу – кобыле легче. Дорогу я и без них найду.

Но перед тем как двинуться в путь, я решил обшарить помещения станции при дневном свете. Я нашел спортивную сумку, в которую сложил запас продуктов и питья. В ящике стола в служебном помещении случайно наткнулся на переносной приемник. Кстати пришлись найденные ночью батарейки. Вставив их, я с надеждой включил приемник и стал крутить ручку настройки. Но за сутки ничего не изменилось, – на всех частотах были только треск и шум. Разо-

чарованный я набросил на плечо сумку и двинулся в путь. Спустившись с холма, я вышел к дачному поселку, который выглядел таким же опустевшим. Чтобы не заблудиться в дыму, я решил придерживаться берега, предполагая, что он, в конце концов, приведет меня к мосту. Вскоре дачный поселок скрылся из виду. А я все отчетливее слышал доносившееся с севера громыхание, словно там была гроза или стреляли орудия...

Неужели все-таки война?! Или всего лишь взрываются склады с боеприпасами, до которых добрался лесной пожар?

Я двигался вдоль берега, пока из дымки не возник силуэт моста. Обрадовавшись, я прибавил шаг, думая, что, возможно, удастся остановить какую-нибудь попутку. Однако никаких звуков с дороги не доносилось. Лишь приблизившись к насыпи, я увидел, что, поперек моста стоит грузовик с эмблемой МЧС. Чуть позже я заметил двух солдат.

– Ну вот и славно! – обрадовался я.

Солдаты смотрели на меня без заметного интереса, просто как на еще одного прохожего. Они сидели на ящиках, облокотившись на бордюр моста, и молча провожали меня взглядом. Оба выглядели уставшими и сонными. Вначале я даже подумал, что так и пройду мимо, не услышав от них ни слова. Я уже решил заговорить первым, как вдруг из кабины «Камаза» высунулось чье-то лицо.

– Гражданин, стойте, здесь карантинная зона!

Дверь раскрылась, и ко мне подскочил капитан с заспан-

ной небритой физиономией. Плотный, широкоплечий, почти два метра ростом.

—В связи с особым положением всем должны сделать прививки!

—А что собственно произошло?

—Спрашивать будете потом, а сначала вам сделают прививку! — отрезал капитан.

Один из солдат достал из рюкзака, лежавшего на асфальте, пистолет-инъектор и направился ко мне.

Поведение солдат и офицера насторожило меня. В первую очередь им бы следовало узнать на каком основании я ношу оружие и проверить у меня документы. Но ни то ни другое сделано не было. Вместо того они как упертые бараны хотели всадить мне какую-то прививку. Да и прививку ли?!

Я в страхе попятился назад.

—Взять его! — рявкнул капитан, когда понял, что не собираюсь подчиняться.

Все трое бросились на меня. Первым получил капитан. Удар пришелся в челюсть и отбросил его на грузовик. Я не ожидал от себя такой силы и реакции, ведь еще сутки назад я с трудом передвигал ноги! Вторым досталось солдату с инъекционным пистолетом, который попытался уколоть меня в плечо. Получив в пах ногой, он согнулся пополам и осел на дорогу. Третий кинулся на меня, замахиваясь прикладом. Я ловко увернулся от удара и, ухватившись за автомат, ударил его лбом в нос. Но к несчастью из кузова уже выпрыгивало

подкрепление. Не успел я оглянуться, как уже был под прицелом четырех автоматов.

Отпустив солдата, я обречено поднял руки, понимая, что убивать они меня не собираются. Им важно сделать так называемую прививку.

Стирая с разбитых губ кровь, ко мне подошел разъяренный капитан. И со всего маху заехал ботиком по лицу. Падая, я услышал его зычный голос:

–Вколите двойную дозу снотворного!

Глава четвертая

Никогда не слышал о прививках, которые делают прямо внутрь позвоночника. Я очнулся от сильной колющей боли в основании шеи, как будто что-то острое пытались запихать внутрь позвоночного столба. Но мой позвоночник, как ни странно, этому сопротивлялся, выталкивая инородное тело прочь из организма. Даже не представляю, благодаря чему это происходило. Однако боль от этого лишь усиливалась.

Открыв глаза, я понял, что лежу на обычном деревянном столе, а надо мной склонились, по крайней мере, два человека. Первый тот, что колот меня в спину, был слева. Второго я не видел, но чувствовал, потому что он придерживал меня за ноги. Придерживал слабо, так на всякий случай, с полной уверенностью, что я лежу без сознания. А зря. Ибо первой жертвой стал именно он. Я резко согнул обе ноги, а потом еще быстрее оправил их обратно. Подошвы врезались во что-то мягкое, послышался сдавленный крик. Затем я вывернулся на спину и ударил второго в живот. Соскочил со стола и ударил еще раз в лицо. Лишь когда мой мучитель повалился на пол я, наконец, осознал, что это была женщина в белом халате. Скорее всего, врач...

Но муки совести не продлились и нескольких мгновений, едва я увидел белесого слизняка с острым жалом, который извивался под ногами, пытаясь забраться в мою штанину.

Вот что кололо меня в спину! Я немедленно раздавил мерзкое сознание, и из-под ботинка брызнула прозрачная слизь.

Теперь надо добить второго.

Помощник извращенного врача гирудотерапевта, держась за пах, пятился назад. Ничего особенного он не представлял, просто дохленький мужичек лет сорока пяти, медицинский халат болтался на нем словно на вешалке.

И вдруг я услышал оклик:

—Стой на месте, Миротворец или кто бы ты ни был на самом деле!

А слона-то я и не заметил. Коренастый парень лет восемнадцати в клетчатой рубашке и потертых джинсах, наставив на меня «Макаров», стоял в шести-семи шагах справа: простое, даже глуповатое лицо и в тоже время не по годам мудрый взгляд. Будь он обычным парнем из глубинки, он бы сказал что-нибудь вроде «Стой, козел!», но никак не «Стой на месте, Миротворец или кто бы ты ни был на самом деле!».

Я находился в типичной совхозной столовке заполненной мухами и неистребимым запахом общественной кухни. За спиной моего противника была распахнутая дверь, за которой открывался вид на рядовой поселок городского типа с однообразными блочными двухэтажками и деревянными сараями. За большими окнами, пробиваясь сквозь дымку, палило беспощадное летнее солнце, и рычал заведенный грузовик. Обычное утро в обычной российской глубинке. Пистолет в руках юнца, разложенные на столах спящие люди

и раздавленный белесый червяк казались нездоровой фантазией «приехавшего на картошку» студента, который в перерывах между сбором корнеплодов и пьянками, в десятый раз перечитывает потрепанный томик Стивена Кинга.

– Ты совершенно, прав! Я не тот, кем выгляжу! – грубым голосом сказал парень, словно прочитав мои мысли. – Я сразу же понял, что ты не похож на простого аборигена. Помощник может быть только у Миротворцев или у Мудрецов, – он отстегнул одну пуговицу и вытащил из-за пазухи мой диск, висевший на его мускулистой груди, словно какой-то древний амулет. – И ты гораздо сильнее и живучее остальных! Но уверяю, мы найдем способ уничтожить тебя. Меня лишь волнует один вопрос, откуда ты такой взялся?

Все что он говорил, для меня не имело пока никакого смысла. Но в одном я был уверен, что ничего хорошего меня не ожидает. «Пиявки», которые проникают внутрь позвоночника, могли быть чем угодно: плодом генетических экспериментов или даже пришельцами. Как он меня назвал? Кажется, «аборигеном»?!

– А вы то откуда взялись? – пытаюсь найти выход из положения, я тянул время, как мог.

– Ты впрямь дурак или притворяешься?... – лицо парня исказила какая-то невысказанная гримаса. – Впрочем, это уже не важно! – громко произнес он и выстрелил.

Грудная клетка взорвалась острой болью, и я рухнул навзничь. Однако боль неожиданно пропала. Оставаясь в полном

сознании, я неподвижно застыл на полу не в силах пошевелить даже веками.

Кажется, я умираю, раз боль пропала! Все вернувшиеся с «оттуда» именно так описывали свою смерть: вначале пропадает боль, становится очень хорошо, потом отделяешься от тела...

Но хорошо мне не становилось, просто пропала боль и только. Более того, я даже слышал голоса. Они доносились словно откуда-то издалека.

–Думал с ним придется сложнее, – сказал парень, застыв надо мной на несколько секунд, а потом исчез из поля зрения.

–Зачем ты убил его!?! Мы потеряли отличное тело! – слышался в ответ женский голос.

–Он как-то связан с Миротворцами, поэтому опасен. У нас не было другого выхода...

–Считай, повезло, он чуть не убил нас! – подержал его третий голос.

–Ладно, давайте вот этого, он уже почти проснулся...

–У нас заканчивается снотворное! – посетовала женщина.

Они прошли мимо меня, мужичек, который получил по яйцам, как-то опасливо глянул, словно желая лишний раз удостовериться, мертв ли я.

–Не сомневайся! Точно в сердце! – заверил его парень, и, перешагнув через меня, тоже скрылся.

Ублюдки! Жаль, я не могу ничего сделать! – думал я, си-

лясь заполнить свое тело обратно.

В сердце, ты говоришь, урод? Почему же я до сих пор жив?!

И неожиданно боль вернулась обратно, только это была совсем другая боль в области желудка. Я уже чувствовал что-то подобное, когда очнулся в сгоревшем лесу и еще раньше у разбитого «самолета». Затем мои веки учащенно заморгали, еще чуть позже я стал ощущать конечности, пока, наконец, не почувствовал, что могу двигаться.

Не понимаю, как это произошло, но я не собирался давать им второго шанса. Поэтому я приподнял голову, и, убедившись, что все трое стоят ко мне спиной, тихо встал.

Любители пиявок сгрудились около медицинской каталки: мужчины пытались удержать «пациента», который брыкался и вопил что-то бессвязно-матерное, а женщина держала в руках белесого слизняка.

–Я же предупреждала на счет снотворного!

–Ничего как-нибудь так... мы его удержим! Давай уже!

До парня с пистолетом было не больше шести-семи шагов. Он стоял ко мне спиной, а пистолет торчал из расстегнутой кобуры. Оставалось только успеть его выхватить. Проблему составляла только стоявшая вполоборота женщина, которая могла заметить меня раньше, чем я доберусь до пистолета. Но другого шанса не было, и я, собрав все силы – какие еще остались, бросился на противника.

–Нет!!! ОН!! – отрывисто выкрикнула женщина и от ис-

пуга выронила слизняка из рук.

Парень уже стал разворачиваться, когда моя правая рука ухватилась за рукоятку «Макарова». Вырвав пистолет, я тут же надавил на спусковой крючок. К счастью он был снят с предохранителя. Поэтому прежде чем наши ладони схлестнулись в борьбе за оружие, первая пуля уже угодила парню в бок. И перевес с самого начала был на моей стороне. Смертельный армрестлинг не продлился и двух секунд. Я навел дуло на его грудь и вновь выстрелил. Парень охнул и осел на пол. В этот же миг на меня кинулся тщедушный мужичек, но, получив локтем по морде, отлетел назад. Едва я освободился от убитого парня, как залепил еще не очухавшемуся мужику ногой пах. Направив оружие на застывшую в оцепенении женщину, я попытался, наконец выяснить, кто они такие и кто выдал им лицензию на занятие гирудотерапией. Но не успел я произнести свой вопрос, как женщина заорала и ринулась прочь из столовой. Я проводил ее дулом пистолета, не решившись выстрелить. Жертв и так хватало. А я не исповедую принципы ковбоев – сначала стреляй, а потом думай. Впрочем, если такие вот ублюдки будут встречаться мне часто, то, вероятно, придется сменить принципы.

Едва женщина скрылась на улице, как в широком дверном проеме возник человек с автоматом в правой руке. Оторопев, он смотрел на то на меня, то на убитого парня. Наконец сообразив, что произошло, он стал поднимать ствол АКСУ. Но было уже слишком поздно. Для него. Не для меня...

Мой пистолет изначально был направлен на автоматчика, потому оставалось только нажать на спусковой крючок. И враг повалился навзничь, так и не успев выстрелить.

–Ну, мужик, ты даешь! – донесся до меня осипший голос человека с медицинской каталки.

То же самое я говорил себе. Я не предполагал, что смогу так хладнокровно расправиться с двумя людьми, да и вообще без каких-либо терзаний выстрелить в человека. Как будто во мне до поры до времени сидел свой личный мистер Хайд, наконец вырвавшийся на свободу.

Я сорвал с убитого диск и повесил его на шею. Обернувшись назад, я увидел, как мужик в белом халате трусливо сиганул за прилавок, спрятавшись в помещении кухни.

–Слушай, братан, хрен с этими уродами, они все равно без оружия! Лучше расстегни браслеты!

На медицинской каталке лежал пристегнутый наручниками молодой полицейский. Его, вероятно, привезли с той же целью, что и меня. Но в отличие от остальных людей, которые безмятежно дрыхли на столах, он пришел в себя раньше, чем ему затолкали в позвоночный столб «пиявку».

–Каким образом?! Где я возьму ключи?

–Да, вон у этого уroda с моим автоматом. Верняк, ключи у него!

Пока я рылся в карманах второго мертвеца из-под коренастого выполз еще один слизняк. Не долго думая, я придавил гадину. Та же участь подстерегла и второго, который вылез

из автоматчика.

–Да, че ты возишься!... Щас как набегут эти уроды!... – поторапливал меня милиционер. Но стоило ему увидеть раздавленного слизняка, как его вытошнило.

Ключи я нашел в нагрудном кармане и тут же подскочил к закованному менту. Расстегнув наручники на правой руке, я вручил ему ключ со словами:

–Давай сам, а я покараулю!

В то время как он освобождал себя, я обыскал убитых. У первого я нашел четыре запасные обоймы к ПМ и отличный охотничий нож, у второго забрал автомат и два магазина к нему.

–Драпать нужно отсюда! – сказал полицейский, отцепляя последний браслет. –Братан, ты бы вернул мой «калаш»?!

Милиционеру было лет двадцать пять. Длинный, худой, с помятой небритой физиономией. Наверное, единственное, что он умел в жизни, так это разъезжать в машине ДПС и задерживать гопников. С некоторым сомнением, я отдал ему АКСУ и магазины.

–Будешь прикрывать. Попробуем уехать на том грузовике, – я указал на машину, которая виднелась за окнами с восточной стороны столовой.

–Лады, – посипел он, проверяя затвор.

Я понимал, что перенести спящих людей в машину нам физически не успеть, поэтому мы выбежали во двор и вдоль стены бросились к грузовику. Выглянув из-за угла, я убедил-

ся, что на площадке рядом со столовой никого не было. Там стояли только две машины: заведенный грузовик и микроавтобус скорой помощи.

– Вот на этой карете меня привезли, – мент кивнул в сторону скорой помощи.

– Тебя как звать?

– Кирилл.

– А меня Олег, будем знакомы... Кирилл, ты знаешь, как отсюда выехать?

– Да и водить тоже, – опережая новый вопрос, ответил он.

– Тогда лезь за руль...

Мы забрались в машину, и Кирилл умело вырулил с площадки на дорогу. По улице перпендикулярной нашей уже бежала толпа. Мне почудилось, что среди десятков лиц мелькнул тот самый пенсионер-шустряга, Павел Игнатович. Он бежал размахивал своей старой двухстволкой и выкрикивал что-то воинственное. Из толпы стали стрелять, но Кирилл уже разогнался, и ни одна пуля не попала в кабину. Петляя по узким раздолбанным улицам поселка, грузовик несся к шоссе, которое уже мелькало за частными одноэтажными домами.

– Слушай, братан, ты вообще как? У тебя вся грудь в крови! – не отрывая взгляда от дороги, спросил меня Кирилл.

Я со страхом посмотрел себя. На комбинезоне действительно расплылось красное пятно, но боли я почему-то не чувствовал и вопреки здравому смыслу кровь больше не

шла. Хотя по всем законам физиологии, если я конечно не Терминатор, у меня должны быть сильное кровотечение и болевой шок. Но видимо я был Терминатором. Ощупав место входа и выхода пули, я обнаружил лишь коросты запекшийся крови.

–Так пустяки, царапина, – нервно улыбнулся я, а сам подумал, что моя гипотеза на счет диска оказалась несостоятельной. Ведь когда тот парень продырявил мою грудь, диска при мне не было. Значит, что-то иное стало причиной моей живучести, но думать об этом не было времени.

Неожиданно, когда до шоссе оставалось совсем немного, из-за угла на улицу выбежал мальчик лет двенадцати, целясь в нас из пистолета.

–Вот уроды! – не выдержал Кирилл и, стараясь объехать мальчика, чуть не врезался в столб.

Однако пистолет в руках мальчика был вовсе не игрушечный. Первый выстрел пробил лобовое стекло, и пуля прошла между мной и водителем. Второй... Впрочем, второй принадлежал мне. Да мне! Потому что я уже не контролировал собственные действия. Рука сама подняла пистолет, и пальцы надавили на спусковой крючок. Если бы парень вовремя не увидел моего оружия и не бросился к забору, то так бы остался на дороге с пулей в животе. Когда прогремел следующий выстрел, я уже контролировал руку, и попал ему под ноги, заставив пацана перепрыгнуть через забор и скрыться в глубине сада.

–Ты че совсем сдурел! Мальца-то зачем?! – Кирилл наконец продрал глотку и больше не сипел.

–А ты хотел оказаться на его месте?! – я сказал таким зауробным голосом, что он не посмел мне ответить.

Грузовик вывернул на шоссе. Мимо промелькнула табличка с перечеркнутым названием поселка «Червяково».

Ну и названьеце. Как будто специально придумали.

Не успели мы выехать за пределы поселка, как за нами устремилась погоня. С дороги ведущей к Червяково вывернул «Уазик» и стал нагонять нас. Видимость была метров пятьсот, поселок уже скрылся за дымкой, но машина не желала исчезать вместе с ним, потихоньку сокращая разрыв.

–Эта тарактелка на ладан дышит! И горючка, кажись, тютю... – Кирилл стукнул по индикатору.

–Может, бак пробили?

–Так ведь уроды!

Выжав все возможное из старого «ЗИЛа», Кирилл гнал вперед, но все равно с каждой секундой расстояние до «УАЗика» становилось все меньше, а индикатор топлива неумолимо приближался к нулю.

Опасность лишь подстегнула голод. Теперь я понимал, что происходит с моим организмом. Любое повреждение тканей почти мгновенно компенсируется за счет внутренних резервов, которые организм тут же требует восполнить.

Предполагая, что шоферы часто берут с собой что-нибудь перекусить, я стал в надежде обшаривать кабину. Рука на-

щупала полиэтиленовый пакет, раскрыв который я обнаружил три бутерброда с колбасой.

–Будешь? – ради приличия спросил я.

–Ну, мужик у тебя и нервы! – пораженно помотал головой мент, – Жрать, когда за нами гоняться эти уроды!

–Как хочешь...

Скорость, с которой я проглотил бутерброды, еще больше поразила его.

–Как в тебя влезло?! После тех пиявок меня до сих пор блевать тянет...

Напоминание о «пиявках» тоже не доставляло мне удовольствия, но в несколько ином смысле. В ту минуту гораздо больше волновал вопрос, какая «пиявка» прячется внутри меня и постоянно просит жрать?

Расстояние до «УАЗика» тем временем сократилось до каких-нибудь ста метров, и по нам открыли пальбу. Пули свистели уже совсем близко, когда шоссе пошло на подъем, и грузовик начал глохнуть.

–Все, копец! – констатировал мент, поднимая с колен автомат. –Догнали уроды!

Участок дороги, где заглох «ЗИЛ», с обеих сторон был окружен сенокосными лугами. До спасительного леса оставалось около двухсот метров.

–Прячемся за капот! – крикнул я и, открыв дверь, стал палить наугад.

Мент последовал моему примеру и дал по преследовате-

лям короткую очередь. Послышался визг тормозов. И я, выпрыгивая из кабины, увидел как «УАЗ» разворачивается боком. Еще раз выстрелив, я спрятался за капотом. Милиционер задержался, чтобы дать по преследователям вторую очередь, и только затем присоединился ко мне.

– Кажись, я их задел! – радостно сообщил он.

– Молодец... не успел я договорить, как наше единственное укрытие стало медленно откатываться назад.

– Твою мать! Надо было на ручник ставить!...

Выход оставался один, и я скомандовал:

– Пока она катится, прыгаем в кювет!

Слава богу, он понял меня верно и бросился в противоположную сторону. Наши противники были слишком заняты, чтобы открыть прицельный огонь, поэтому мы удачно перебежали по разные стороны дороги, и спрятались в канавах. В то время как враги пытались покинуть обреченный «УАЗик», на который катился наш грузовик, я выглянул из укрытия и несколько раз выстрелил. Один из преследователей позволивший себе бежать во весь рост упал, сраженный пулями моего «Макарова». Остальные попадали на асфальт и открыли ответный огонь, заставив меня сползти вниз кювета. Справа застрочил АКСУ милиционера. Парень стрелял очередями, и только зря тратил патроны. Но крикнуть я ему не решился, потому что враги были очень близко и тоже могли меня услышать. Наши позиции разделялись не более чем полусотней метров. Грузовик промял бок «УАЗа»,

и больше не двигался. Теперь они могли смело использовать обе машины в качестве укрытия. Единственным нашим преимуществом осталось то, что мы вели перекрестный огонь, не дающий им передвигаться. Но если мент израсходует все патроны, то нам несдобровать...

Поднимая пистолет для нового выстрела, я вдруг заметил, что из дымки в небе показалась темная точка. Южнее нас громыхнул взрыв и к небу поднялся столб огня. Затем точка выросла, превратившись в огромную птицу, и почти бесшумно пронеслась над нами. Послышался свист, глухие удары по земле и гулкие по металлу, будто прошел скоротечный град. Кто-то из преследователей завопил нечеловеческим голосом, а из «УАЗика» вырвались языки пламени. Я вжался в землю как раз когда прогремел второй взрыв, уничтоживший наш «ЗИЛ».

В ушах еще звенело. Я пролежал минут десять, слушая, как трещит огонь, пока не заставил себя крикнуть:

–Кирилл, ты жив?

А в ответ тишина.

–Кирилл?!

И снова нет ответа. Неужели убит?

Я осторожно высунул голову. От обеих машин остался лишь опаленный остовы. К небу поднимался черный дым, вонявший палеными крышками. Вокруг были разбросаны дымящиеся осколки, обгоревшие трупы преследователей отбросило на траву. Убедившись, что мне ничего не угрожало,

я поднялся и сразу же обратил внимание, что на дорожном покрытии остались глубокие вмятины, словно продавленные шпильками тифель на свежем асфальте, а корпуса машин местами напоминали решето. Мощный был пулемет, если это вообще был пулемет. Вниз по шоссе на границе видимости дымилась еще одна машина, на которой из поселка, вероятно, ехала подмога. Да так и не доехала.

Милиционер скатился на самое дно канавы и не подавал признаков жизни. На его спине проступало кровавое пятно. Я спустился и пощупал пульс, убедившись, что он был мертв.

Застыв над телом Кирилла, мысленно я перенесся во вчера, когда смерть одного за другим унесла всех коллег-космонавтов, словно вокруг меня была какая-то недобрая аура, притягивающая несчастья. Все кто связывался со мной рано или поздно погибали. В голове промелькнула шальная мысль: «А может быть, я и есть тот самый ангел конца света. Поэтому-то безобидный спутник связи, да что там, любая микроволновка превращается в моих руках оружие Армагеддона».

Маразм, конечно, но доля правды в этом есть...

Подобрав оружие и запасной магазин, я решил поскорее обратиться отсюда. Идти по шоссе было небезопасно. И я двинул через луг к лесу, рассудив, что буду передвигаться параллельно дороге. Ни часов, ни компаса у меня не осталось. Я мог ориентироваться исключительно по солнцу и по приметам. Шоссе вроде бы вело в нужном направлении, а имен-

но на северо-восток туда, где располагался город, который Павел Игнатович назвал Тамском.

В лесу было тихо, слышались только голоса птиц и хруст сучьев под ногами. Все происходившее за границей этого тихого уголка казалось чем-то нереальным. Словно я заснул под убаюкивающее пение соловья и мне приснился кошмар. А теперь стоит лишь выйти на дорогу, где как ни в чем не бывало мчатся машины, и никто из людей не слышал ни о какой катастрофе. Но это все мечты. Мир уже никогда не станет прежним.

Я тщетно пытался разобраться с кашей царившей в моей голове, когда вышел на просеку, по которой с востока на запад тянулась ЛЭП. Открытое пространство нужно было преодолеть как можно скорее, поэтому я прибавил шаг.

Вернуться к размышлениям я смог лишь, когда вернулся под укрытие леса.

Итак, то, что произошло нечто выходящее за рамки «реального», «обыденного» отрицать совершенно бессмысленно. Но понять, что конкретно произошло, пока не представлялось возможным. Потому что происходившее не вписывалось ни в один из стандартных сценариев катастрофы.

Логическая цепочка выстраивалась следующим образом: испытания спутника, необъяснимые явления в космосе, затем странные объекты в небе над местом нашей посадки, взорвавшийся серебристый «самолет», диск с иероглифами, мое «бессмертие», страшные твари с черной кровью, потом

«пиявки» и уже на самом последнем месте «птичка» расстрелявшая наших преследователей из «пулемета». Причем многое в этом ряду приходится ставить в кавычки, потому что это только удобные моему разуму понятия. Упоминались еще некие Миротворцы и Мудрецы? Что это? Или кто это?

Что же получается в итоге? Началась война? Но с кем? Военный эксперимент вызвавший мутации? Неужели виноват спутник? Или это пришельцы?... Словом, шарики заезжают за ролики! Сумасшествие! Но, пожалуй, самым удивительным стала моя невероятная живучесть. Я был в растерянности. Если быстрое заживление ран еще как-то можно допустить, то быстрое воскрешение после двух пули попавшей в грудь – уже нонсенс. А поскольку вариант с диском отпадал, то оставался укол, вызвавший у меня болевой шок, после которого я отключился. Впрочем, был еще вариант с облучением во время испытаний на орбите. Но облучению подверглись все, а выжил только я?! Стало быть, остается укол. От одной только мысли, что в теле оказалось нечто чужеродное, меня передернуло. Но это всего лишь догадка! – напомнил я себе. Однако легче от этого не стало.

Вопросов было много, а ответов ни одного. Только гипотезы. И в конце концов все они упирались в одну отправную точку – спутник, который мы испытали. Я понимал, что катастрофа началась с нашего спутника! И осознание этого чудовищного факта заставляло меня страдать.

Продолжая идти параллельно дороге, я вдруг услышал,

как со стороны города приближается автомобиль. На большой скорости он промчался мимо, поэтому я не успел его заметить, но по звуку догадался, что это была легковушка.

Возможно, на ней ехали обыкновенные люди, которые неминуемо попадут на угощение к пиявкам. В таком случае, мне бы следовало предупредить их. И к тому же я сумел бы узнать, что творится в городе. Однако не стоит сбрасывать со счетов и тот вариант, что в машине сидели «зараженные» пиявками.

Я прошел еще метров пятьсот, прежде чем приблизился к краю леса. Сквозь просветы между стволами уже виднелся берег реки и мост.

Пригнувшись, я осторожно вышел на опушку и, едва заметив на том берегу грузовик перекрывавший дорогу, упал в траву. Затем переполз за ближайший куст.

Почерневший грузовик посередине шоссе еще дымился. Что очень напоминало работу «птички», которая совсем недавно уничтожила моих преследователей. Но здесь «она» почему-то не тронула две легковушки, отогнанные в сторону от дороги. Людей я пока не обнаружил, но это вовсе не означало, что их нет.

Наблюдая за мостом, я стал прикидывать, как поступить дальше. Можно конечно, попытаться найти другую переправу или даже переплыть реку, тем более что она была от силы десять метров в ширину. Наконец я увидел, что на мост вышел солдат. Он шел вдоль парапета в мою сторону, разма-

живая руками, словно делал зарядку. Остановившись у края парапета, солдат вдруг крикнул, обращаясь к тому, кто прятался в кустах с левой стороны дороги.

–Ты нормально? – это сказал солдат с моста.

–Все в порядке! – донесся ответ с моего берега, но с противоположной стороны дороги, где в кустах прятался второй.

Значит, один сидит открыто, другой страхует из укрытия. Но на другом посту их было целое отделение, а здесь всего двое. Федеральная трасса слишком важное место, чтобы они пожалели людей. Поэтому я заключил, что, скорее всего, большая часть погибла при налете «птички», а машина, которую мы слышали, поехала за подмогой. Но даже если их всего двое, рисковать понапрасну не стоило. Лучше обойти препятствие. В конце концов, моя цель добраться живым и сообщить все в Центр. Если Центр, конечно, еще существует, и там будут кому-то интересны мои откровения.

Я отполз обратно в лес и, стараясь не шуметь, быстро двинул на восток. Лишь отдалившись километра на два от моста, я позволил себе выйти к берегу. Затем, выбрав место поудобнее, разделся, связал одежду в узелки, и залез в воду. Думаю, в самом глубоком месте было едва ли три метра. Поэтому плыть пришлось только в середине.

Я вылез на противоположный берег и, спрятавшись в траве, лег. Слушая, как стрекочут кузнечики, я не переставал думать о том, что же мне предпринять дальше. Вряд ли мне удастся поймать хоть какую-нибудь машину. Потому что все

они либо едут из города, либо перехвачены «зараженными» на предыдущих постах. В таком случае придется топтать до самого города.

Обсохнув, я оделся и пошел на север с таким расчетом, чтобы выйти на шоссе. Я не отошел и сотни метров от реки, как лесополоса неожиданно закончилась. На сколько хватало глаз, протирались поля, над которыми висела дымка, скрывавшая из виду горизонт. Вдоль леса параллельно реке шла узкая дорога, которая очевидно вела к шоссе. Идти по открытой местности было опасно, но у меня не оставалось другого выхода. Я брел по дороге, думая, что мне, пожалуй, стоит срезать по полю, как вдруг увидел впереди машину. Ее силуэт был едва заметен в дымке, но я все равно насторожился. До машины оставалось где-то полкилометра, когда я свернул в лес, чтобы осторожно подкрасться ближе.

На дороге стояла белая «Нива», двери которой были распахнуты, а в салоне вроде бы никого. Я взвел затвор автомата и, пригибаясь, выбежал к машине. Ни внутри «Нивы», ни вокруг никого не было. Ключ оказался в машине. Лучшего подарка и быть не могло. В моей ситуации джип – просто идеальная находка! Вопрос только в том, куда могли исчезнуть хозяева? Капот не был теплым, значит, они покинули машину давно. На заднем сидении я нашел сумку с едой и одежду: женскую и мужскую. Часть пищи я сразу же приговорил. Наевшись, я еще раз обошел машину кругом и только на этот раз обратил внимание, что на картофельных грядках

остались следы. Они вели прямо от дороги куда-то в поле. Прищурившись, я посмотрел вдаль. На севере угадывались контуры чего-то большого и светлого. Может быть ангара, а может быть... корабля?! Высадившиеся на картофельном поле пришельцы?! Нет, лучше я не буду проверять, как это сделали пассажиры «Нивы», которые ушли в поле и больше не вернулись.

После нескольких попыток я завел машину и поехал к городу, в надежде, что найду там помощь.

Глава пятая

Я выехал на шоссе десять минут назад и пока не встретил ни одной машины. Видимость была не больше полукилометра. Шоссе как бы не хотя выплывало из дымки – порой, казалось, что оно вот-вот закончится и вокруг останется только белая пустота пахнувшая гарью. Несколько раз я включал автомагнитогу, но приемник не поймал ничего кроме шумов и тресков. В общем, все то же самое...

Первым я заметил съехавший в кювет рейсовый автобус. Я даже притормозил, чтобы осмотреться. Но людей не обнаружил. Возможно, они ушли дальше, или вернулись назад в город. Затем было еще несколько брошенных легковушек, перевернутый сгоревший грузовик и разбитый автобус. Почти все машины были помяты, словно в них кто-то врезался, в одной из легковушек я заметил человека. Остановившись и отъехав назад к старому «Форду», я с ужасом обнаружил, что водитель был мертв. Окровавленный мужчина сидел в кресле придавленный рулевой колодкой, лобовое стекло было разбито, капот смят, как будто «Форд», по меньшей мере, врезался в трактор. Наверняка это последствия вчерашнего дня, когда видимость была почти что нулевая. Я нашел у мертвого чудом уцелевший телефон, зарядка которого показывала одиннадцать процентов. Однако телефон показывал что сети нет... Мне стоило быть предельно осторожным,

чтобы не врезаться в какую-нибудь из разбитых и оставленных на дороге машин. Пришлось снизить скорость до шестидесяти и притормаживать, едва заметив в тумане силуэт машины. Но вместо того, чтобы увидеть очередную разбитую машину я к своему удивлению обнаружил, что над дорогой пролетел странный объект. Клянусь, он выглядел как «летающая тарелка», если мне это не померещилось! НЛО прощмыгнуло над шоссе и исчезло в дымке.

Неужели все-таки пришельцы? Или это какой-то новый тип самолета?

Проезжая по участку дороги, над которым пролетела «тарелка», я невольно остановился. Мое внимание привлекли большие следы трехпалых ног, пересекавшие асфальт и уходившие в поле.

А это что?! Годзилла? Или мне опять мерещиться?

В уме нарисовалось какая-то нелепая картинка: пришельцы на «летающей тарелке» мчатся по следу Годзиллы.

Помотав головой, я сбросил наваждение. Затем выпил немного клюквенного морса из бутылки, которую еще раньше нашел в сумке на заднем сидении, и поехал дальше. Лишь через пару минут я заметил очередной автомобиль. Из-за дыма я не сразу понял, что он не стоял на месте, а двигался мне навстречу. Это был темно-синий микроавтобус с тонированными стеклами. Он ехал по моей полосе и не собирался сворачивать, будто перепутал Россию с Англией или какой-нибудь другой страной, где входу правостороннее дви-

жение.

Я просигналил, но он все равно не отреагировал, упорно двигаясь мне в лоб. До микроавтобуса осталось едва ли метров двадцать, когда я дернул руль влево, и каким-то чудом избежал неминуемого столкновения. Никогда не думал, что способен на подобные виражи, словно я всю жизнь был профессиональным гонщиком.

Сзади взвизгнули тормоза. Я обернулся и увидел, что микроавтобус ловко развернулся и рванул за мной.

Какого черта ему надо? Он, что, самоубийца?!

Я переключился на четвертую скорость и дал полный газ, пытаюсь оторваться от преследователя. Но микроавтобус не отставал, быстро сокращая разрыв. К сожалению «Нива» была не такой быстрой как микроавтобус. Он догнал меня минуты через полторы и толкнул в задний бампер. Машина содрогнулась, но я удержал руль. Микроавтобус толкнул еще несколько раз, прежде чем стал пытаться обойти меня. Я принялся вилять по шоссе, не давая ему выскочить вперед. Сумасшедшая гонка продолжалась, пока впереди не появился разбитый фургон, который стоял посередине дороге. Я еле успел повернуть направо и пронесся по самой кромке дороги, чуть не задев левым бортом фургон. Тем временем синий микроавтобус, проскочив слева от разбитой машины, все-таки вырвался вперед и стал прижимать меня к правому краю. Наши борта столкнулись, раздался скрежет металла о металл. Движок «Нивы» жалостливо застонал. Это проти-

востояние не могло продолжаться вечно, – рано или поздно микроавтобус столкнет меня своей массой в кювет. Машина уже ехала по обочине, а до канавы оставалось меньше метра.

Сердце бешено колотилось, я весь взмок, и пот ручьями стекал по моему лицу. Удерживая руль дрожащими от напряжения руками, я с отчаяньем посмотрел на автомат лежащий на соседнем сидении. Но оторваться от баранки я был не в силах – обе руки словно приросли к пластику. К тому же я понимал, что стоит мне лишь на мгновение ослабить хватку, как он сбросит меня. Даже если я сумею дотянуться до автомата одной рукой, мне еще нужно взвести затвор. То же самое касалось и пистолета.

А жаль. Потому что тонированные стекла кабины микроавтобуса были рядом. Один или два выстрела могли бы решить исход поединка. Впрочем, и те, кто был в микроавтобусе, могли выстрелить в меня.

–Что тебе нужно?!... – попытался крикнуть я в открытое окно, но рев двигателей заглушил мой голос.

Если он не услышал меня, то, по крайней мере, видел, как я пытаюсь что-то сказать. Но тонированное стекло микроавтобуса не опустилось. Кричать было бесполезно, потому что он не успокоится пока он не сбросит меня.

Автомобиль уже стал наклоняться набок, когда канава неожиданно закончилась. Это был въезд на поле, на который я тут же свернул.

Ну, все! Здесь моя стихия! По грядкам моркови микроав-

тобус вряд ли проедет, облегченно подумал я. И съехав с боковой дороги, вырулил прямо на поле. Моя «Нива» запрыгала по грядкам, оставляя преследователя позади. Но, похоже, я столкнулся с настоящим камикадзе. Машина все равно последовала за мной. Сумасшедший водитель бросил свой автобус на грядки, и, не проехав десяти метров, забуксовал на месте.

Я подал немного назад и остановился. Теперь он был в моей власти. Чувствуя невероятную злость, я быстро схватил автомат и выпрыгнул из машины. До синего микроавтобуса было метров двадцать, но даже подойди я вплотную, то не увидел бы сквозь тонированные стекла водителя.

–Выходи придурок! – заорал я, наставляя автомат на лобовое стекло.

Но выходить никто не собирался. Машина по-прежнему буксовала на месте, выбрасывая из-под колес комья земли. Нормальный человек уже давно бы остановил движок и вышел из салона с поднятыми руками.

–Последний раз предупреждаю! – крикнул я. И опять остался без ответа.

Подходить к машине я опасался. В конце концов, внутри мог находиться кто угодно, и не факт, что я окажусь быстрее его. Может быть, он или они только того и ждут, чтобы подошел ближе. И стрелять тоже не хотелось. Но машину надо было как-то обезвредить. Лучше всего прострелить покрышки.

Я прицелился и двумя точными выстрелами пробил передние покрышки. Двадцать метров конечно расстояние небольшое, однако, попасть с первого раза неопытному человеку не так-то просто как кажется. Я учился на военной кафедре в институте, но никогда особой меткостью не отличался. Сейчас же я бил в цель, словно заправский снайпер. И тогда из пистолета я снял противника почти с полсотни метров – расстояние для «Макарова» критическое. Во время перестрелки я не обратил на это внимания. Но, теперь сравнив свои ощущения, я понял, что их роднило странное чувство единения с оружием. И автомат, и пистолет словно являлись продолжением моего тела.

Откуда? Почему? Еще одно побочное действие «укола»?

Я прострелил оставшиеся две покрышки и, не опуская автомата, задом отступил к своей машине. Из микроавтобуса так никто и не появился. Движок ревел, колеса с пробитыми покрышками еще глубже закопались в землю.

Я захлопнул дверь и поехал обратно к шоссе, опасливо поглядывая на микроавтобус, упорно буксующий на одном месте.

Может быть, мне стоило заглянуть внутрь салона и разобраться с сумасшедшим водителем. Но какое-то подспудное чувство остановило меня. Уже вырулив на шоссе, я поймал себя на мысли, что воспринимаю странный автобус не как машину, а как попавшего в ловушку опасного зверя. Он напоминал раненого разъяренного быка. Но я не был отваж-

ным тореадором и поэтому предпочел ретироваться с места боя.

Вскоре дымка скрыла синий микроавтобус из виду, и я продолжил свой путь к городу, внутренне приготовившись к новым сюрпризам. Хотя конечно лучше бы обойтись без них.

За исключением одной разбитой легковушки дорога была пустой. Только через три-четыре километра из дымной пелены материализовалась автозаправочная станция. Знак сообщал, что до города оставалось семь километров. Над заправкой красовался здоровенный щит с надписью «Тамск-Нефть». Я глянул на индикатор топлива и решил свернуть. До города оставалось совсем немного, но у меня не было стопроцентной уверенности, что найду я там помощь. Поэтому на всякий случай не мешало запастись бензином.

Я оставил «Ниву» рядом с колонкой девяносто второго и направился к зданию автозаправки, где, судя по вывескам, кроме кассы располагались магазин и кафе. В кассе никого не оказалось: окно занавешено жалюзи, дверь заперта. А вот дверь, ведущая в магазин и кафе, была взломана. Взведя затвор автомата, я осторожно заглянул внутрь. Помещение было разделено на две секции. В правой располагались кафе и продуктовый отдел, в левой магазин автозапчастей. Лампы не горели, но большие окна давали достаточно света, чтобы все разглядеть. Здесь уже кто-то побывал и успел порыться в обоих отделах. Неожиданно за продуктовым прилавком я

услышал подозрительный шорох. Там явно кто-то прятался.

–Есть кто живой? – спросил я, держа автомат наготове.

Из-за прилавка послышалась возня, но подняться никто не захотел.

–Послушайте, я все равно слышу вас. Лучше вылезайте по хорошему! – почему-то мне показалось, что их там как минимум двое.

–Мы... мы не хотели ничего брать! Мы просто здесь прячемся! – раздался звонкий девичий голос.

Первой из-за прилавка поднялась светловолосая девушка с красивым, но испуганным лицом. На ее щеках виднелись черные следы потекшей туши. Затем поднялись два парня. Коротко стриженные, оба в похожих пестрых футболках и широких шортах. Ребятам было не больше двадцати.

–Дверь была уже взломана, когда мы сюда пришли, – сказал тот, что пониже.

Я сразу же понял, что он врет. Дверь взломали, конечно же, они. Но мне не было до этого никакого дела.

Опустив автомат, я спросил то, что меня волновало в первую очередь:

–Телефон есть рабочий?

–Да, – ответила девушка, – но нет сети ни на одном операторе.

Понятно, значит случилось что-то серьезное.

–А вы откуда идете – из города или в город? – продолжил я свой допрос.

–Мы с пикника, с лесных карьеров... – начала девушка, но ее оборвал длинный парень.

–Мы в Тамск идем, домой, – в его голосе чувствовались повелительные интонации человека привыкшего решать все силой.

–А тут чего зависли?

–Мы же говорили, что прячемся. Нас машина по пути чуть не сбила... Аську того... переехало, а мы успели удрать... – сказал длинный.

Значит, я был не первой жертвой того безумца?! Может быть, все-таки стоило его пристрелить?

Едва парень сказал имя сбитой девушки, как их спутница закрыла лицо руками и заплакала.

–Это ее подруга, – пояснил второй парень и стал сбивчиво рассказывать. –Наша машина заглохла недалеко отсюда. Мы пытались толкнуть, но ничего не вышло... Аська стала голосовать... Мы думали, может кто появиться и на галстук нас разгонит... И вдруг эта девятка как впишется в Аську... Ну мы сразу в рассыпную и в поле, а потом сюда вот пришли...

–Погоди-ка. Ты говоришь, это была девятка?! – спросил я. Оба кивнули.

–Ну да. А вы с ней тоже столкнулись?

Я чего-то недопонимал. Откуда же тогда взялся синий микроавтобус?!

–Стоп, ребята... А как выглядела ваша машина?

–Темно-синий «Фольксваген» микроавтобус. Это маши-

на моего отца. Он иногда разрешает на выходные попользоваться... – сказал длинный.

Я ошеломленно замер. Получалось, что сумасшедший во-дила пересаживался с одной машины на другую и разъезжал по шоссе в поисках новых жертв. Монстры, «пиявки», НЛО и вот теперь автомобильный маньяк! Мир окончательно свихнулся! С трудом верилось, что это могло произойти из-за одного несчастного спутника.

– Меня пытались таранить на вашем «Фольксвагене», – сообщил я парням еще одну нерадостную новость.

– Этот урод угнал мою тачку! – не выдержал длинный и со злости ударил по прилавку.

– Тебя только тачка и заботит! А то, что он Асю придавил, тебе наплевать! – всхлипывая, произнесла девушка.

Не обратив на нее внимания, парень спросил:

– А как вы сумели оторваться от него на «Ниве»?

– Заманил на поле, где он благополучно завяз, потом прострелил покрышки и...

– Вы нас подвезете? – перебил меня второй.

– Что обратно?! До вашей машины?

– Да нет... до города.

– Какой к черту город! Поехали с этим уродом разберемся! – закричал длинный. – Я его прибью! Он у меня землю жрать будет...

Я отрицательно покачал головой.

– Извините ребята, обратно я не поеду. А в город, пожа-

луйста.

–Ну, тогда мы сами пойдём! Где он там застрял?

–Километра три отсюда...

–Я лично не пойду! – возмутился его приятель.

–И я тоже. Давайте уедем отсюда! Я хочу домой... – согласилась девушка, вытирая слезы.

–Ну вы, блин... трусы! Очканули из-за какого-то маньяка! Да я сам один пойду! – в его руках появилась монтировка, очевидно, позаимствованная в соседнем отделе. – Я ему башку размозжу, гаду!

–Остынь парень. С чего ты взял, что он один? А вдруг их там несколько?

Сжимая в руках монтировку, он остановился у самой двери.

–Ну, так одолжите свой автомат, если самому страшно! – играя жевалками, он зло посмотрел на меня. Казалось, что он вот-вот полезет драться.

–Все свое оружие я добыл в бою и без боя не отдам! – сказал я, демонстративно поправляя лямку, на которой висел автомат.

–Все-таки война! – охнула девочка. –Война! – повторила она и вновь захныкала.

–Я не знаю... Может быть война, а может быть и нет. Пока ничего не ясно.

–Блин, этого еще не хватало! Война?! – парень изобразил на своем лице удивление и демонстративно отпустил монти-

ровку. Для него это был единственно достойный выход из положения. Формально никто не посчитает его трусом и при этом удастся избежать драки.

Чтобы поскорее забыть этот инцидент, я перешел к другой теме.

–Я хотел заправиться, но раз электричества нет, то ничего не выйдет...

–Фигня! Год назад я работал на такой же заправке только на западном шоссе. Здесь должен быть резервный генератор! – обрадовал меня второй парень. – Идемте, я покажу где...

Генератор был на заднем дворе заправки и скрывался в нише закрытой железной дверь. Пришлось вернуться за инструментом, чтобы сломать замок. Его товарищ тем временем сидел у входа магазин и пил лимонад. Девушка сидела рядом и, опустив голову ему на плечо, тихо хныкала. Пока мы возились с замком, парень разговорился.

–Димон с Валькой уже три месяца встречаются. Аська была ее подругой. Валька вроде как хотела нас свести. Для этого на пикник вчетвером и поехали... А вы на Димона не обращайтесь внимания. Он только возбухать и может! Думает полгода в качалку походил, так уже супермен...

–А тебя как звать?

–Толя.

–А меня Олег. Можешь кстати назвать меня на «ты».

Поднатужившись, я наконец сломал замок и открыл

дверь. Затем мы запустили генератор, и Толя сообщил, что придется еще ломать дверь в диспетчерскую, поскольку все управление происходит через компьютер.

Забравшись в диспетчерскую, Толя несколько минут бился с компьютером, пока за дело не взялся я. Все оказалось довольно просто.

–Толя, а ты кем работал на заправке? – спросил я, загоняя на свою колонку неограниченный лимит, чтобы заполнить бензином не только бак, но и канистры, которые я приметил в магазине.

–Ну это самое... Ну... – замялся тот.

–Понятно. На подхвате был. Иди наполни бак и канистры из магазина.

–А сколько?

–Штуки четыре хватит. А я пока еды наберу.

Толя покосился на меня.

–Так ты думаешь, что...

–Ничего я не думаю. Но, надеясь на лучшее, предпочитаю готовиться к худшему.

–Мне кажется, ты что-то знаешь! Олег, скажи, война все-таки началась или нет!?

–Иди заливай! Поговорим позже! – повысив голос, сказал я.

Забив два пакета съестными припасами, я заставил влюбленных голубков перенести их в машину. А сам подумал, что прихватить из магазина автозапчастей. Когда я вернулся к

машине, Толя уже закончил с заправкой и вместе с другом запихивал в багажник канистры с топливом.

—А может, это самое, попробуем вернуться к автобусу? — опять предложил длинный.

—Дима, я уже все сказал. Рисковать ни имеет никакого смысла. Садитесь в машину. До города я вас подвезу, а дальше как хотите, — всем своим видом я дал понять, что спорить со мной бесполезно.

—Как скажете... командир, — со скрытой издевкой произнес он.

Девушка и длинный устроились на заднем сидении, Толя рядом со мной. Как только все сели, я завел «Ниву», и мы двинулись в путь.

Толя тут же полез к автомагнитоле, в надежде поймать хоть какую-то станцию. Но естественно кроме треска и шума мы ничего не слышали.

—Олег из-за чего это может быть?!

—Без малейшего понятия. Вероятно, какой-то очень сильный источник помех, — делиться своими гипотезами и догадками я не собирался, ведь тогда мне пришлось бы рассказывать всю правду.

—Это началось вчера утром. Вначале с неба падали метеоры, а потом перестала играть музыка... Мы пытались поймать другую станцию, но везде был только шум. И мобильник перестал работать.

—А перед этим вы не слышали выпусков новостей?

– Там была только музыка... Правда, один раз ведущий чего-то ляпнул на счет метеоритного дождя.

– А чего же вы еще вчера домой не поехали?

– Да чего, чего... пьяные были! – отозвался с заднего сидения Дмитрий.

– Ты мужик, лучше расскажи, чего произошло, а не глупые вопросы задавай!

– Я знаю не так уж много, – ответил я, глядя на отражение диминого лица в зеркале.

– Ха! Рассказывай! Ты походу дела ты летчик, а вам должны сводки сообщать! Ну или как там это называется!...

Я натянуто улыбнулся.

– Ты прав. Но мой самолет упал, прежде чем я успел принять сообщение, если оно конечно было. Поэтому я нахожусь в таком же неведении как ты со вчерашнего утра, – соврал я, чтобы избежать дальнейших расспросов.

В дальнейшем придется придерживаться этой гипотезы, как самой правдоподобной. Иначе я проколюсь на деталях.

– Ну, неужели вы сами ни о чем не догадываетесь?! – спросила девушка.

– Война – самое простое объяснение, – серьезно начал я. – Однако и самое банальное. Слишком много всего происходит, что не вписывается в рамки обыкновенной войны...

– Что, например?

Я прикинул, что же им сказать и остановился на «НЛО», которое вроде бы пролетело над шоссе.

– Совсем недавно я видел... «летающую тарелку».

Длинный засмеялся.

– А зелененьких человечков ты не встречал?

– Нет, но пиявок, которых запихивали в позвоночник, видел...

Ребята дружно захохотали.

– А ты шутник, Олег! – давясь от смеха, произнес Толя.

– Угу, а еще я космонавт, – раз уже пошла такая фигня, то пусть смеются, решил я.

– Юрий Гагарин! Ха-ха-ха! – забился в истерике Дима.

Услышав фамилию Гагарин, я тяжело вздохнул. Парень не знал, что остатки нашего челнока с таким названием валялись сейчас где-то в округе.

Город тем временем приближался. Первые здания медленно выплывали из дымовой завесы и надвигались на нас темной стеной. Это был типичный провинциальный город с серийными многоквартирными домами прошлого века и скверами между ними. Спальный район.

Тамск безмолвствовал. При въезде в город мы не встретили ни одной живой души. На перекрестке стояла полицейская машина с разбитыми стеклами. Чуть дальше лежала перевернутая фура. Дома выглядели пустыми. Магазины не работали, многие витрины были разбиты, на тротуарах и дороге валялись разные вещи.

Мои спутники очень скоро перестали смеяться и молча глядели по сторонам, очевидно пытаясь понять, что же про-

изошло. Их лица становились все мрачнее и мрачнее. На следующем перекрестке, где стояли две врезавшиеся друг в друга легковушки, я остановил «Ниву».

–Ну что? Куда вас подвезти? – спросил я, вытаскивая из кармана автодорожную карту, которую нашел на заправочной станции.

–Куда же все подевались? – сказал Толя, будто не слыша моего вопроса.

–И почему так тихо? В городе не может быть так тихо... – добавила девушка.

–Все это похоже на последствия паники, – предположил я. Посмотрев на карту, Толя усмехнулся. Правда его усмешка вышла какой-то трагичной.

–Мы и без карты дорогу знаем... Я вам покажу, – обернувшись к своим друзьям, он спросил. –Ну что, куда двинем?

–Давай на Старый проспект! Вначале Вальку домой закинем, а потом уж видно будет... – сказал Дима.

–Я боюсь! А вдруг дома никого нет! – запротестовал девушка. –Ты что не видишь, что дома пустые!

–Может просто никто не высовывается! Все как последние трусы попрятались и ждут! Трусы, вылезайте! – заорал Дима, едва не оглушив меня.

–Заткнись, пожалуйста! – крикнул я в ответ.

–Ну ладно... замяли. Давай, это самое, посигналим. Вдруг кто и вылезет из окна.

Я несколько раз просигналил, пока девушка не закричала,

указывая на блочную пятиэтажку слева от нас:

–Я видела! Видела! Там кто-то высунулся, а топом опять исчез!

–Где?

–Покажи...

Мы все поглядели на окно второго этажа, на которое указывала Валя, но ничего не заметили.

–Давайте, сбегает туда и спросим, что случилось! Они наверняка видели! – возбуждено произнес Толя.

–А если не откроют?

–Тогда ломаем дверь! – не удержался Дима.

Эти глупые споры мне уже порядком поднадоели, и я сказал свое решающее слово:

–Слушайте! Мы не будем никуда бегать, гадать и так далее! Давайте проверим ваши дома, а уже потом будем делать выводы!

–Логично... – согласился Толя.

–Тогда говори куда ехать!

–Сейчас все время прямо, затем повернем. Я скажу где. Это и будет Старый проспект.

–А ты случайно не знаешь, где у вас располагается управление внутренних дел или еще лучше ФСБ?

–А зачем оно тебе? – удивился Толя.

–Очень надо, – вымучено улыбнулся я.

–На площади Революции в нее Старый проспект упирается. Там будет большое серое здание. Не ошибешься.

–Спасибо. Ну а теперь займемся вашими адресами.

Я надавил на газ и вильнул вправо, чтобы миновать разбитые машины. Я бы и сам хотел знать, что приключилось в городе. За прошедшие с начала катастрофы сутки жители многотысячного города не могли просто так исчезнуть. Даже если был принят план срочной эвакуации, вывести абсолютно всех жителей за столько короткий срок невозможно. И через два квартала я убедился в своей правоте. Два подростка, женщина и пожилой мужчина выбежали из продуктового магазина с полными пакетами и, увидев нас, испуганно скрылись в подворотне.

–Я же говорил, что все попрятались! – воскликнул Дима, проводив взглядом удирающих людей.

–Тогда почему на улицах не осталось ни одной тачки? – спросил Толя.

–Вероятно, все кто мог, покинули город на машинах, – вмешался я. –Или власти реквизируют весь автотранспорт.

–И где же эти самые власти?!

Я вспомнил разбитые полицейскую машину и сказал:

–Значит, все смылись.

Это стало последней фразой. Потому что «Нива» не проехала и квартала от магазина, как вдруг (за сутки я уже привык к этому слову) позади громыхнул взрыв. Я не удержал руль, и нас опрокинуло набок. Машина перевернулась два раза и застыла колесами кверху. От сильного удара у меня потемнело в глазах...

Глава шестая

В голове пульсировала тупая боль. Во рту ясно ощущался привкус крови. Я открыл глаза и осмотрел салон. Первая мысль – попытаться вытащить ребят из машины, пока не рвануло топливо в баке и канистрах! Но вначале нужно было вытащить себя самого. А из положения вниз головой это было не так уж просто. Тем более, что дверь, как и следовало, ожидать, не открывалась. Проявляя чудеса ловкости, я выполз вперед, предварительно сбив остатки лобового стекла. К несчастью я провозился слишком долго. Огонь охватил автомобиль быстрее, чем я ожидал, и спасти моих пассажиров было слишком поздно.

Я с трудом поднялся и похромал к торговому павильону, который располагался на тротуаре и одновременно служил автобусной остановкой. Каждый шаг отдавался острой болью в левой ноге, идти было тяжело, но необходимо. Потому что машина готова была в любой момент взорваться, и ближайшим укрытием мог служить только этот павильон.

Я дотащился до остановки и спрятался за угол. Прислонившись к нагретой солнцем металлической стенке, я опустился на асфальт и замер.

Вдох, выдох, пауза и так несколько раз, чтобы сгладить сердцебиение и утихомирить боль.

Несколько секунд спустя улицу сотряс новый взрыв, со-

провожаемый звоном бьющегося стекла. Машина взлетела на воздух, но почему-то грохот не прекращался. Вначале я решил, что меня контузило, но очень скоро убедился, что этот звук был не только у меня в ушах. Шум, который я слышал, мог издавать либо танк, либо тяжелый гусеничный трактор. Рокот мотора, фыркание выхлопных газов и чудовищный лязг гусениц сливались в единую какофонию, посвященную торжеству и безумию научно-технического прогресса. Сопоставив этот звук с недавним взрывом, перевернувшим машину, я пришел к выводу, что это, скорее всего, был танк. Но зачем кому-то понадобилось стрелять по гражданской машине?! Может, и вправду война началась?!...

Танк, похоже, вывернул из двора и сейчас двигался по улице, прямо напротив моего убежища. Я опасливо выглянул из-за угла и увидел, как тяжелая громадина Т90 давит остатки моей «Нивы».

Какого черта!! Почему наши войска стреляют по нашим же мирным жителям?!...

Тем временем танк остановился и стал разворачиваться обратно. Я в ужасе отпрянул назад. Выстрели он сейчас, и меня уже не спасет «фантастическая живучесть». Меня просто разорвет на куски! Оставалось только бежать, но бежать-то я как раз и не мог... Я поднялся и попробовал опереться на левую ногу. Боль почти не чувствовалась! Вот уж действительно фантастическая живучесть!

Вопрос оставался лишь в том, куда бежать. Слева от меня

была только длинная витрина универмага с разбитыми стеклами, занимавшего весь первый этаж дома. Проезд между домами был отрезан, потому что танк располагался как раз напротив. Единственный выход – это под прикрытием остановки забежать в универмаг.

Вдохнув побольше воздуха, я ринулся вдоль витрины. Я бежал быстро, как только мог, не оглядываясь назад. Лязга гусениц пока не слышалось. Значит, танк стоял на месте. Но я словно чувствовал направленный на меня прицел. И поэтому когда запрыгнул в разбитую витрину и оказался внутри магазина, то ощутил невероятное облегчение. Пригнувшись, я добрался до ближайшего прилавка и залег за ним. Вновь послышался лязг. Судя по звуку, танк двигался по улице мимо универмага. Кажется, повезло. Они не заметили меня.

Я лежал на каких-то тряпках скинутых с прилавка и слушал удаляющийся рокот танка. Постепенно звук становился все тише и тише, как вдруг раздался сильный грохот, эхом прокатившийся по улицам. Оставшиеся стекла универмага задрожали и попадали вниз. Затем все стихло. Я слышал только жужжание мух и собственное дыхание. Думая, что же предпринять дальше, я пролежал еще несколько минут, пока не поднялся и стал оглядывать магазин. Прежде всего, мне следовало найти что-нибудь из еды. Но, к сожалению, внутри не нашлось ничего съедобного. Впрочем, в разных отделах мне удалось разыскать полезные вещи: часы, нож, флягу, фонарик, зажигалки и другие принадлежности, которые

могли пригодиться в том случае, если я не найду помощи и мне придется уйти из города. Все это я упаковал в рюкзак, позаимствованный в отделе сумок, и решил заняться поисками еды. Первым кандидатом на наличие таковой был павильон, за которым я прятался от танка. Я вылез на улицу и быстро перебежал к остановке. С той стороны улицы, куда уехал танк, не доносилось ни звука. Танк даже если он по-прежнему стоял на дороге был скрыт от меня дымкой. Почувствовав себя в относительной безопасности, я залез через разбитое окно внутрь павильона. Продуктовый магазинчик, располагавшийся там, был по большей части разграблен, но мне удалось кое-что обнаружить и набить этим свой урчащий желудок. Нога больше не болела. Вероятно, я переоценил серьезность раны. Наверняка это был просто сильный ушиб...

Я поймал себя на том, что всеми силами пытаюсь откреститься от любых мыслей на эту скользкую тему. Всем невероятным вещам я пытаюсь найти вполне реальное объяснение. Но на самом деле его не существует! Если даже сейчас я всего лишь «сильно ушибся», то утром, когда по мне почти в упор выпустили две пули, «легкими царапинами» я бы не отделался. Кроме того, и тогда и сейчас меня вновь одолевало чувство голода. Организм требовал назад потраченные на заживление раны калории. В голову опять полезли бредовые мысли о мутации. Меня чуть не затрясло от страха, я сел на пол и, обхватив голову руками, загрузился по полной

программе. Наконец я понял, почему до сих пор упорно отгонял подобные мысли. Потому что был не в состоянии найти ответ, сколько бы не размышлял! Выход был только один – бросить это дело, занявшись насущными вопросами. Что я и сделал.

Мне еще предстояло решить, куда двигаться дальше. Мои попутчики упоминали о площади Революции, где располагалось управление ФСБ и полиции. Я вынул из кармана карту города и области, которую нашел еще на заправке, и стал искать эту самую площадь. До нее оставалось что-то около двух километров, если конечно, я правильно вычисли свое местонахождение.

–Ну что же в путь, – сказал я сам себе и вылез из разграбленного павильона.

Переходя улицу, я бросил взгляд на искореженные почерневшие остатки «Нивы», внутри которых покоились тела трех ребят, на свое несчастье ставших моими попутчиками. Теперь уже не было сомнений, что надо мной довлел своего рода злой рок. Я притягивал к себе несчастья, словно герой Пьера Ришара из старой французской комедии «Невезучие». Но то была комедия. А все, что происходило со мной, на комедию не тянуло, скорее совсем наоборот. Уверен, если бы эти трое не поехали со мной в «Ниве», то остались бы живы. Еще больше помрачнев от подобных мыслей, я двинулся дальше

Над городом висела зловещая тишина. Лишь изредка слы-

шались странные шорохи, да гроыхала где-то то ли канонада, то ли гром. Такая тишина и безлюдье естественны ночью, а не в разгар дня. Но даже ночью то тут, то там лают собаки и по улицам проезжают одинокие автомобили. Здесь же ничего этого не встречалось, как будто город действительно вымер. Но я же видел людей, выбегавших из магазина и этот чертов танк! Значит, все-таки в городе кто-то есть! Вероятно, напуганные жители прятались по домам, а по улицам разъезжали танки без предупреждения уничтожавшие любой автотранспорт и возможно людей. Вспомнив безумного водителя, который чуть не сбил меня на шоссе, я пришел к выводу, что его поведение каким-то образом взаимосвязано с тем, что происходило в Тамске. Может быть, город постигала некая эпидемия, приведшая часть людей в состояние помешательства. После «пиявок» и собственного «воскрешения» такая гипотеза не казалась мне слишком уж фантастической. Внутренне я был готов ко всему.

Заворачивая за угол во двор, я вдруг увидел спину улепетывающего от меня парнишки. В кустах справа послышался хруст веток и чьи-то шаги.

—Стой, я ничего тебе не сделаю!... – крикнул я, пытаюсь остановить беглеца.

Бесполезно. И парнишка, и тот, кто прятался в кустах, удрали, потому что боялись меня. Боялись! Но почему?!!...

Проще всего было догнать их и спросить. Но я не собирался тратить время на подобные глупости. Ускорив шаг, я

направился к Старому проспекту, чтобы затем выйти на площадь Революции, где как я полагал сумею найти помощь. Больше мне не встретилось ни одной живой души. Пустые дворы, улицы, ни одной машины, не считая разбитые и нерабочие. Хотя я чувствовал, что за мной наблюдают. Пару раз успел заметить, как дернулись занавески в окнах. Стукнула дверь подъезда. Детские голоса, и топот бегущих ног. Детишки убегали и прятались, едва я приближался. Жители наблюдали, но ни один не решился высунуться открыто! Меня все больше раздражало это. Хотелось встать посреди улицы и закричать:

–Люди, ау! Люди, я не кусаюсь!

Но я не сделал этого, потому что знал – мой крик напугает их еще больше. Я шел словно ежик в тумане из одноименного мультфильма, а вокруг ни души – одни только призраки домов и людей. Напуганный пропахший гарью город в нереальной дымке. И я один иду по нему.

Наконец я прочел вывеску на доме: «Старый проспект 112». И сверившись с картой, убедился, что цель близка. Проспект был замусорен больше остальных улиц. Заметив наспех сброшенные с проезжей части прицеп и разбитую легковушку, я решил, что еще вчера по проспекту двигалась большая масса автомобилей. Возможно, именно здесь проходил один из главных путей эвакуации. Что, в общем-то, закономерно, поскольку Старый проспект пересекал почти весь город с востока на запад. Значит, направление эвакуа-

ции было либо на запад, либо на восток. Поэтому-то на южном шоссе мне встретилось так мало машин. Однако я не мог понять, почему и сегодня эвакуация не продолжалась.

Пройдя сотню другую шагов, я вдруг увидел впереди небольшую группу людей: пятеро взрослых и трое детей. Двое мужчин тянули за собой тележку, набитую вещами. Завидев меня, они замедлили ход. Женщина та, что шла впереди и вела за руку ребенка, стала указывать на меня и о чем-то спрашивать мужчин. Похоже, они испугались.

И эти туда же! Неужели я такой страшный!?!...

Неожиданно группа свернула направо и, общими усилиями затолкав тележку на тротуар, ринулась в подъезд ближайшего дома. Но испугались они вовсе не меня, а шума, который доносился с востока. По проспекту сюда двигалось что-то достаточно большое и громкое...

Снова танк или целая колонна бронетехники!?! В таком случае надо сматывать пока цел. Не долго думая, я последовал примеру беженцев и ринулся к дому. Но подъезд, в который я намеривался вломиться, оказался закрытым на кодовый механический замок. И мне пришлось бежать к следующему. Слава богу, он был не заперт, потому что буквально несколько секунд спустя из дымки возникла первая боевая машина. Слыша, как колонна мчится по проспекту, я очертя голову прыгал через ступеньки, пока не очутился на третьем этаже. Рокот становился все сильнее. Неожиданно я услышал знакомый звук, какой мне уже приходилось слышать сегодня

утром, – будто по земле в один момент ударили тысячи ледяных горошин. Затем грохот и крики. Прижавшись к стене, я выглянул из окна и к своему удивлению обнаружил, что два бронетранспортера столкнулись, а «уазик» следовавший за ними перевернулся. В разные стороны от машин разбежались солдаты. Я успел заметить, как двое из них забежали в мой подъезд, и чисто рефлекторно полез за пистолетом. Но пистолета не оказалось! Очевидно, я потерял его при падении из «Нивы», а потом и вовсе забыл о нем.

Тем временем на улице одна за другой вспыхнули боевые машины. На секунду выглянув из окна, я заметил пронесшуюся над домами тень. Несомненно, это была та самая «птичка», расстрелявшая утром на шоссе моих преследователей и мента, который помог мне бежать из Червяково. Вопрос в том кого она расстреляла на этот раз – врагов или союзников? Что мне ожидать от солдат укрывшихся в том же подъезде?

Они поднимались вверх. Наверное, чтобы осмотреть улицу с более выгодной позиции. У меня была возможность уйти еще выше и попытаться избежать встречи, но что-то заставило остаться.

Едва увидев меня, оба солдата замерли.

–Такая же штука чуть не убила меня сегодня утром! – с места в карьер начал я, произнеся первое, что пришло на ум. Солдаты оттаяли. Тот, что был плотнее, выдохнув, сказал: –Штука, блин!... Да она же на птицу была похожа! Я та-

кого отродясь не видал!

–Точно... на птицу... – пробормотал второй.

Первый подошел к окну и глянул на полыхающие машины.

–Геныч, полное дерьмо! Ни одной колымаги не осталось! Да еще этот танк сраный Ваню на бээмпэхе спалил... короче аут!

–Капитан успел, не знаешь?

–Да хрен его... он кажись, в другую сторону рванул...

Они как будто не замечали меня, пока один из бронетранспортеров не взорвался. Мы дружно попадали на пол, навалившись при этом друга на друга.

–Геныч, полное дерьмо! Полное, Геныч!

–Хоть бы Парашев сдох, скотина.... Достал... – прохрипел Геныч.

Едва мы расселись на полу, как раздался еще один взрыв.

–И второй туда же! – обречено кивнул первый солдат. – Подождем пока догорят, а потом пойдем искать выживших!

–Угу... – согласился его товарищ и полез в карман за куревом.

–Мужик, а тебя закурить чего-нибудь приличного не найдется? – спросил первый.

Я мотнул головой.

–Не курю.

–Жаль, придется эту дрянь смолить, – с этими словами он достал дешевые папиросы и прикурил у Геныча. Оба сол-

дата сняли каски, и устало облокотились о шершавые стенки лестничной площадки, пуская табачный дым вниз. Я понимал, что они еще только начали отходить от пережитого стресса и поэтому неадекватно реагировали. И молча ждал, пока они сами начнут задавать вопросы.

–А ты вообще кто?! Летчик, что ли? – оглядев мой комбез, наконец спросил первый.

Видимо, опять придется врать, подумал я и кивнул.

–Ну, будем знакомы. Я Николай, а это вот Геннадий.

–Олег, – ответил я. –А про какой танк ты говорил?

–А... танк! Ну это за которым мы гоняемся еще с вечера... Точнее гонялись...

–Мы его на Московском проспекте подловили! Он за какой-то тачкой погнался, мы его тут и подорвали...

–Со второго раза только сволочь вспыхнул! – подтвердил Николай.

–А почему вы за ним гонялись?

–Да как же еще... они же сволочи, как появились вчера вечером, стали по сторонам палить! Естественно, их подорвать приказали!

–А кто там вообще был? Кому в голову пришло по народу стрелять?

–Ты чего полегче спроси!.. А птички эти откуда взялись?... – Николай закурил вторую. Его примеру последовал Геннадий.

Итак, картина начинала проясняться. Танком, скорее все-

го, управляли какие-то психи. Микроавтобусом на шоссе очевидно тоже. Впрочем, это лишь догадки.

Солдаты выкурили еще пару папирос, прежде чем снизу раздался крик:

– Мужики, вылазь, кто живой!

– Уцелел, собака... – не выдержал Геннадий.

– Старшина, он как прапор, только хуже, – отшутился Николай. – Пошли, а то достанет потом...

– Если оно будет, это потом, – уныло произнес его товарищ.

Кроме нас на улице собралось еще восемь человек. Солдаты оттаскивали трупы от догорающих машин на тротуар.

– Давайте, присоединяйтесь! – крикнул Геннадию и Николаю тот самый старшина, – крепко сбитый мужичек чуть ниже среднего роста с квадратным подбородком. Заметив меня, он сразу же спросил:

– А ты что с неба свалился?!

– Именно оттуда...

– У нас тут тоже дела – дрянь, как видишь, – он театрально развел руками.

– Помочь? – предложил я.

– Если не в напряг.

– А ты уверен, что «птичка» снова не появится, пока мы тут возимся?

Старшина помотал головой.

– Неа, она за техникой гонялась... На пешех тратиться не

будет. Может она и выглядит как «птичка», но ведет себя как нормальный штурмовик...

Мы сложили все тела в одном месте на тротуаре. Раненых не оказалось, только мертвые. «Птичка» знала свое дело, и любое попадание странных «пуль» в туловище или голову заканчивалось смертельным исходом. Пока мы носили тела, я обратил внимание на то, что на асфальте осталось множество маленьких выбоин таких же, как и на южном шоссе в нескольких километрах от Червяково.

Солдаты были слишком растеряны и напуганы, чтобы обращать на меня внимание. Внезапная смерть сослуживцев и командира повергла молодых ребят в шок. И только резкие выкрики старшины заставляли их действовать организованно.

– Все офицеры погибли? – спросил я у старшины Парышева, с которым мы вместе переносили тела убитых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.